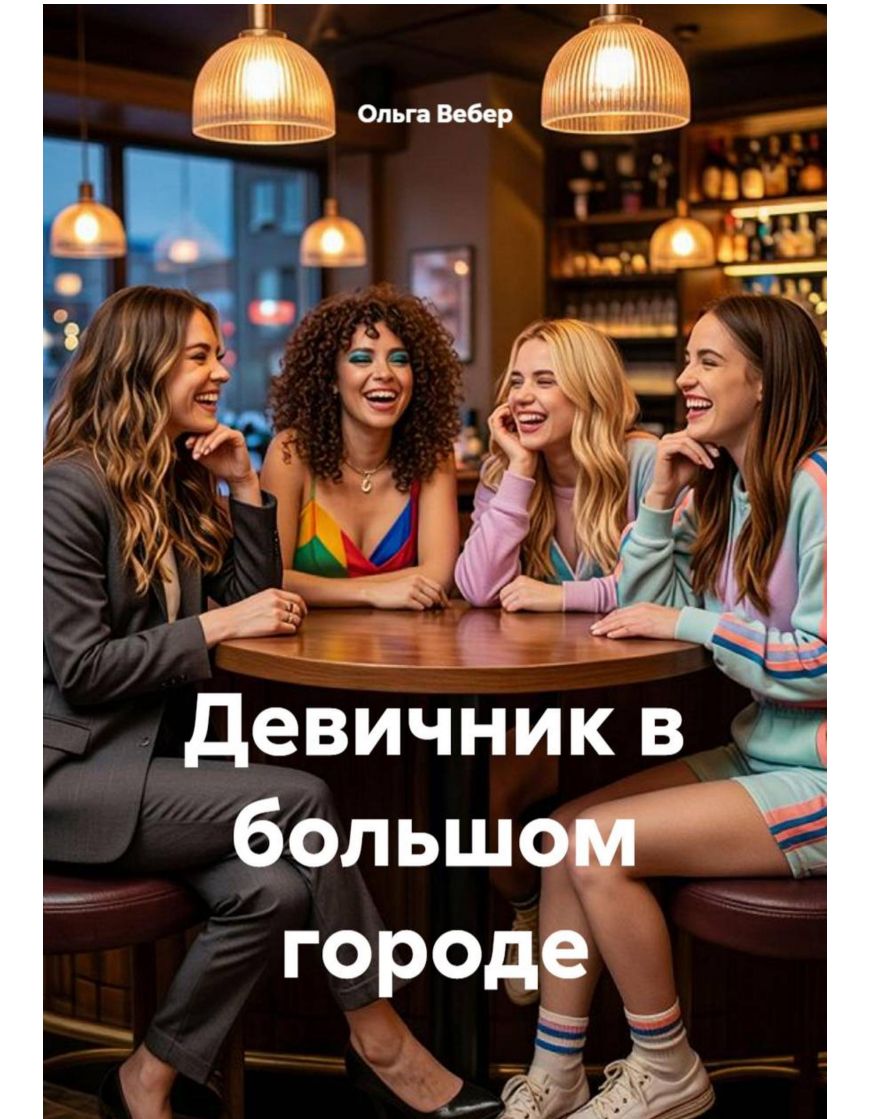

A photograph of four young women sitting around a round wooden table in a bar or cafe, laughing and talking. The woman on the far left has long wavy brown hair and is wearing a grey blazer. The woman next to her has curly brown hair and is wearing a rainbow-colored halter top. The woman next to her has long blonde hair and is wearing a light purple long-sleeved shirt. The woman on the far right has long brown hair and is wearing a light blue and pink striped long-sleeved shirt. They are all smiling and looking at each other. The background shows a bar with shelves of bottles and several warm, glowing pendant lights hanging from the ceiling.

Ольга Вебер

Девичник в большом городе

Ольга Вебер

Девичник в большом городе

<https://litres.ru/74598108>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они поклялись, что мужчины не сломают их карьеру и планы на жизнь. Но у вселенной свои «рецепты».

Четыре лучшие подруги — системный маркетолог Маша, взрывная дизайнер Лера, нежная кондитер Аня и дерзкая тренер Даша — каждую пятницу собираются в любимом баре, чтобы спасти друг друга от дедлайнов и провальных свиданий. Они думали, что полностью контролируют свои судьбы. Но когда в их жизнь врываются наглые креативщики, ворчливые айтишники, угрюмые архитекторы и лучшие друзья, идеальные алгоритмы девушек летят к чертям. Добро пожаловать на самый весёлый, романтичный и ироничный девичник, где любовь всегда побеждает любые правила!

Ольга Вебер
Девичник в
большом городе

Смузи для врага

Глава 1. Идеальный план и черничная дуга

Понедельники созданы для триумфов. По крайней мере, именно эта мысль, похожая на идеально выверенный рекламный слоган, грела Машу Воронцову, пока она уверенно шагала по зеркальному холлу издательства «Слово».

Маша любила порядок. Нет, «любила» — это слишком мягкое, расплывчатое слово, которое не одобряют редакторы академических словарей. Маша порядок боготворила. Её жизнь была безупречно сверстанной рукописью, где каждая запятая стояла на своём месте, а любые сюжетные повороты предварительно согласовывались с личным планером в кожаной обложке цвета пыльной розы.

Стресс? Маша не знала этого слова. Точнее, знала, но умела виртуозно упаковывать его в ментальные коробки. Когда мир вокруг начинал напоминать хаотичный черновик, у неё включался внутренний защитный механизм: она начинала мысленно раскладывать предметы вокруг по алфавиту или цветам радуги, параллельно выуживая из кармана мятый леденец. Сахар без красителей — её личный бренд-менеджер душевного равновесия.

Сегодня в её планере жирным красным маркером было обведено: «10:00. Летушка. Назначение на должность главного редактора художественной литературы». Три года. Ровно три года, наполненных бессонными ночами, бесконечными кофе-брейками с капризными авторами, битвами за тиражи и ночёвками на пыльных складах типографий в Чехове, вели её к этому дню. Она заслужила это кресло. Она выбила лучшие гонорары для Иннокентия Лукина, чья детективная серия кормила половину издательства. Она знала рынок так, словно сама его спроектировала.

— Маш, ты сегодня сияешь, как новая глянцевая обложка с УФ-лаком, — улыбнулась ей на ресепшене секретарь Анечка, перебирая утреннюю почту.

— Спасибо, Ань! Сегодня великий день, — Маша изящным движением поправила лацкан своего строгого бежевого жакета, купленного специально для этого случая, и решительно шагнула к лифту.

В переговорной под гордым названием «Классика» уже пахло бодрящим арабика-блендом и лёгким предвкушением кадровой бури. Генеральный директор холдинга, Пётр Аркадьевич — мужчина почтенных лет с благообразной сединой и неискоренимой склонностью к театральным паузам, — восседал во главе длинного стола из мореного дуба. По правую руку от него, как обычно, устроилась Инга — пиар-директор издательства.

Инга выглядела безупречно. Настолько безупречно, что

это вызывало подспудное желание найти на её белоснежной блузке хотя бы одну торчащую ниточку. Идеально уложенное каре, дорогой парфюм с нотами хищного жасмина и улыбка, которой при необходимости можно было колоть лёд для коктейлей. Маша всегда относилась к ней с профессиональной настороженностью. Инга была мастером тонких интриг и пассивно-агрессивных комплиментов, которые оставляли после себя ощущение, что тебя только что аккуратно переехал каток, покрытый шёлком.

— Присаживайся, Машенька, — мягко сказал Пётр Аркадьевич, полистывая какой-то документ. — Ждём только нашего нового... коллегу.

Маша на секунду замерла с открытым блокнотом. Пальцы застыли над дорогой перьевой ручкой. *Нового? Кого?* В её безупречном плане на этот понедельник никакого «нового коллегу» не значилось.

Дверь переговорной распахнулась ровно в 10:00. Секунда в секунду. Но человек, который переступил порог, совершенно не вписывался в строгую, пропахшую типографской краской и традициями атмосферу «Слова».

На нём был объёмный чёрный худи с каким-то дерзким минималистичным принтом, слегка растрёпанные тёмные волосы, словно он только что слез с мотоцикла или забыл причесаться после сна, а на плече небрежно болтался стильный кожаный рюкзак. Но больше всего Машу заставил нахмуриться высокий прозрачный стакан в его правой руке. В

нём колыхалась подозрительная, густая субстанция ядовитого фиолетово-зелёного цвета.

— Всем привет, извините за точность, на Садовом сегодня адские пробки, — парень белозубо и чертовски обаятельно улыбнулся, без приглашения занимая свободный стул прямо напротив Маши. От него повеяло дорогим древесным парфюмом и дерзостью.

— Итак, коллеги, — Пётр Аркадьевич кашлянул, привлекая внимание и беря свою фирменную драматическую паузу. — Начнём с главных новостей. Наше издательство официально вошло в состав крупного медиахолдинга «Медиа-Групп». Процесс слияния завершён. И в связи с реструктуризацией у нас серьезные кадровые изменения.

Сердце Маши сделало кульбит, пробило рёбра и застряло где-то в районе горла. Она почувствовала, как ладони мгновенно стали влажными.

— На должность креативного директора и со-руководителя объединенного отдела продвижения и редактуры назначен Кирилл Андреевич Гордеев. Прошу любить и жаловать. Кирилл совершил революцию в глянце, поднял рейтинги двум ведущим журналам холдинга, и теперь его задача — заняться глобальным визуальным перезапуском наших книжных серий.

— Со-руководителя? — тихо переспросила Маша. Голос прозвучал на удивление твёрдо и холодно, хотя внутри неё идеальный карточный домик тайм-менеджмента только что

рухнул от лёгкого дуновения ветра. Какой глянец? Какие журналы? Книжный бизнес — это монастырь, где молятся на текст, а не на красивые картинки для зумеров!

— Именно, — подхватил Кирилл, вальяжно откинувшись на спинку стула и с откровенным любопытством разглядывая Машу. Он сделал глоток из своего стакана. — Нам нужно полностью перетряхнуть это болото, коллеги. Я изучил ваши релизы за последний квартал. Ребята, без обид, но это же визуальная катастрофа.

Инга рядом мгновенно закивала, её локоны изящно качнулись:

— Вот и я всегда говорила Петру Аркадьевичу, что нам критически не хватает свежего взгляда! Кирилл, ваш концепт ребрендинга для «Медиа-Групп» был просто шедевальным. Я видела презентацию.

Маша почувствовала, как у неё начинает мелко дёргаться правый глаз. Она полезла в карман жакета, нащупала пачку леденцов и мысленно начала: «*А — абсурд, Б — бред, В — возмущение...*»

— Катастрофа? — Маша выпрямила спину, её взгляд превратился в два лазерных луча. Возмущение требовало пространства, и она поднялась со своего места. — Позвольте узнать, Кирилл... Андреевич, на каком основании вы делаете столь безапелляционные заявления? Наш детективный цикл Иннокентия Лукина держится в топе продаж всех независимых книжных сетей уже полгода! У нас три допечатки

тиража за два месяца!

— Да потому что обложки ваших детективов пахнут нафталином и привокзальными развалами девяностых! — Кирилл тоже подался вперёд, опершись локтями о стол. Его карие глаза азартно блеснули. — Силуэт в плаще, размытый кровавый след и шрифт из фильмов ужасов категории Б. Серьёзно? На дворе 2026 год, девушка. Книгу должно хотеться выложить в соцсети, она должна стать арт-объектом, стильным аксессуаром в руках читателя! А это...

Он брезгливо, двумя пальцами придвинул к себе лежащий на столе сигнальный экземпляр нового романа Лукина, который Маша с такой гордостью принесла показать генеральному. Толстенный том в твёрдом переплёте с золотым тиснением.

— Это классика жанра! — Маша сделала шаг вперёд. В ней проснулся дух берсерка, защищающего свои территории. — Читатели Лукина консервативны! Они покупают историю, интригу, текст! Они не купят ваш безликий «арт-объект»! Вы вообще в своей жизни хоть одну книгу до конца дочитали, или только глянцевые картинки с моделями разглядывали?!

— Машенька, Кирилл, давайте снизим градус... — попытался вставить Пётр Аркадьевич, но его голос потонул в ораторской дуэли.

— Я дочитал достаточно, чтобы понять: ваш дизайн продаёт не литературу, а беспросветную тоску, — парировал

Кирилл, тоже поднимаясь во весь свой немалый рост. Он был на голову выше Маши, но её это совершенно не пугало. В ней сейчас бушевало пламя всех неоплаченных овертаймов её отдела.

— Ах так?! — Маша активно зажестичулировала, собираясь ткнуть пальцем в распечатанный график продаж в своём блокноте, чтобы размазать этого глянцевого выскочку сухими цифрами.

Но её правая рука в порыве праведного гнева сделала слишком размашистую дугу. И наткнулась на что-то пластиковое.

Дальнейшее произошло со скоростью свободного падения тиража безнадёжного автора.

Высокий стакан Кирилла покачнулся. Маша, заметив это боковым зрением, попыталась поймать его на лету, но её пальцы лишь придали пластику дополнительное ускорение. Густой, ледяной, чернично-шпинатный смузи красивой, сочной, фиолетовой дугой взмыл в воздух и идеально, с точностью до миллиметра, приземлился на грудь Кирилла Гордеева.

Субстанция мгновенно пропитала чёрную брендовую толстовку, смачно шлёпнулась на дизайнерский ремень и живописными подтёками устремилась вниз по светлым джинсам.

В переговорной «Классика» повисла такая оглушительная тишина, что было слышно, как на улице Садового кольца сигналит пробка. Инга тихо, театрально ахнула и прикрыла

рот ладонью с безупречным маникюром. Пётр Аркадьевич просто зажмурился и потёр виски.

Кирилл медленно опустил голову. Он несколько секунд молча разглядывал стекающую по его животу фиолетовую жижу, в которой отчетливо виднелись кусочки неперемолотого шпината. Затем он так же медленно поднял взгляд на Машу. На его лице, вопреки её ожиданиям, не было ярости. Там читалось искреннее, глубокое, почти детское изумление.

Маша сглотнула, лихорадочно соображая, стоит ли прямо сейчас пойти на ресепшен и написать заявление по собственному желанию, или лучше сразу эвакуироваться через окно.

— Что ж, — нарушил тишину Кирилл. Он спокойно вытянул указательный палец, слизнул каплю смузи, упавшую ему на запястье, и задумчиво причмокнул. — Черника свежая, урожай этого года. Но должен заметить, Мария... ваши методы маркетинга и отстаивания позиций явно чересчур агрессивные.

— Я... я случайно, — пробормотала Маша, её пальцы в кармане судорожно сжали пачку леденцов. Ей хотелось съесть её целиком. Вместе с оберткой и планером.

Война за издательство «Слово» была официально объявлена. И первый раунд Маша Воронцова проиграла со счётом 0:1 в пользу здорового питания своего нового злейшего врага.

Глава 2. Взгляд через призму глянца

Если бы Кирилл Гордеев хотел провести остаток своей жизни, выбирая между тридцатью оттенками бежевого для обложки каталога нижнего белья или выслушивая истерики двадцатилетних моделей из-за неправильного ракурса, он бы остался в «Медиа-Групп Тренды». Там у него был статус бога визуальных смыслов, личный ассистент, приносящий двойной эспрессо ровно в 9:15, и дикая, удушающая тоска, которая с каждым месяцем становилась всё глубже.

Глянец сдох. Он превратился в красивый, лакированный фасад, за которым не было ничего, кроме рекламы французских духов и фальшивых интервью. Кирилл ушёл из журналов не потому, что его выжили. Он ушёл, потому что отчаянно, до зубного скрежета, захотел работать с настоящими, осязаемыми смыслами. С книгами. С литературой, которая меняет людей, а не просто лежит на журнальном столике для красоты.

Правда, первое утро в издательстве «Слово» с ходу попыталось спустить его с небес на грешную землю.

В 9:58 Кирилл стоял у дверей переговорной под пафосным названием «Классика». На плече привычно висел старый кожаный рюкзак, прошедший с ним все съемки от Исландии до Марокко. В левой руке он сжимал стакан со своим фирменным антистресс-коктейлем — чернично-шпинат-

ным смузи. Директор по стилю старого журнала уверял, что этот фиолетовый кошмар очищает карму и печень, но Кирилл пил его просто потому, что черника была чертовски вкусной, а шпинат заглушал вкус разочарования от утренних пробок на Садовом кольце.

Кирилл толкнул дверь точно в 10:00. Внутри всё дышало таким консерватизмом, что у него мгновенно зачесался нос. Пахло старым дубом, остывшим кофе и... нафталином. Во главе стола сидел Пётр Аркадьевич — типичный издатель старой школы, который, казалось, лично присутствовал при подписании контрактов с Толстым и Достоевским.

Справа от него устроилась пиар-директор Инга. Кирилл отсканировал её за долю секунды: причёска волосок к волоску, блузка из шёлка, который в рознице стоит как половина его рюкзака, и взгляд хищника, почуявшего свежую добычу из холдинга. Таких женщин в глянце было пруд пруди. Они улыбались так сладко, что сводило челюсти, но за их пиар-стратегиями никогда не стояло ничего, кроме желания выгодно продать себя новому руководству.

Но внимание Кирилла привлёк человек, сидевший напротив.

Девушка. Лет двадцати шести, с невероятно строгой осанкой и аккуратным пучком тёмных волос. На ней был бежевый жакет, который отчаянно пытался казаться деловым доспехом, но её выдавали пальцы. Она с такой силой сжимала дорогую перьевую ручку над своим планером, что её ко-

стяжки побелели. Но больше всего Кирилл заинтриговал её взгляд. Большие, умные, тёмные глаза смотрели на него не с обожанием или карьерным трепетом, а с такой откровенной, концентрированной яростью, будто Кирилл только что вошёл в переговорную и лично сжёг первый тираж её любимого автора.

«Ух ты, — подумал Кирилл, усаживаясь прямо напротив неё и ставя смузи на полированный дуб стола. — А в этом нафталиновом болоте есть кто-то живой. И этот кто-то явно хочет меня придушить».

— На должность креативного директора назначен Кирилл Андреевич Гордеев... — вещал Пётр Аркадьевич, беря свои фирменные паузы.

Кирилл откинулся на спинку стула, не сводя глаз с девушки. Он уже знал, как её зовут по предварительным отчётам. Маша Воронцова. Ведущий редактор. Человек, который держит на своих хрупких плечах всю художественную литературу издательства.

— Нам нужно полностью перетряхнуть это болото, коллеги, — лениво произнёс Кирилл, решив с ходу прощупать её защитные барьеры. — Я посмотрел ваши релизы за последний квартал. Ребята, это же катастрофа.

Инга рядом тут же сладко заворковала, поддакивая и строя глазки, но Кирилл её даже не слышал. Он смотрел на Машу. На то, как её аккуратно накрашенные губы сжались в тонкую линию, а правая рука судорожно нырнула в карман

жакета, извлекая оттуда маленькую мятную конфетку. Это было так забавно и мило, что Кирилл едва сдержал улыбку. Она заедала стресс мятными леденцами. Какая очаровательная системная деталь.

И тут Маша взорвалась. Она подскочила со своего места, выпрямившись как натянутая струна.

— Катастрофа? Позвольте узнать, Кирилл Андреевич, на каком основании вы делаете такие выводы?! — её голос прозвучал как выстрел. Умный, хлёсткий, наполненный неподдельной страстью к своему делу.

Кирилл тоже поднялся, принимая вызов. Ему безумно нравилось это противостояние характера. В глянце все со всем соглашались, лишь бы не потерять контракты, а эта девчонка была готова драться за книжные обложки до последнего патрона.

Они начали спорить. Она защищала толстенный детектив Лукина с чудовищным дизайном из девяностых, называя его «классикой жанра», а Кирилл доказывал, что обложка должна быть арт-объектом. Маша жестикулировала так отчаянно, её глаза так горели, что Кирилл поймал себя на мысли: он готов слушать её тирады часами. В ней было то самое, настоящее, живое пламя, ради которого он и ушёл из журналов.

— Вы вообще в своей жизни хоть одну книгу до конца дочитали, или только глянцевые картинки с моделями разглядывали?! — Маша сделала резкий шаг вперёд, взмахнув своим планером.

Дальнейшее Кирилл запомнил как в замедленной съёмке.

Правая рука Маши описала красивую, широкую дугу в воздухе и с глухим стуком врезалась в его прозрачный стакан со смузи. Стакан покачнулся. Маша испуганно округлила глаза, попыталась поймать его, но лишь придала пластику ускорение.

В следующую секунду густая, ледяная, фиолетово-зелёная субстанция с идеальной баллистической точностью взмыла вверх и обрушилась прямо на грудь Кирилла.

Шлёп.

Холодная жижа мгновенно пропитала его любимый чёрный худи от японского дизайнера, безжалостно залила светлый кожаный ремень и плотными, сочными ручьями устремилась вниз по джинсам, оставляя за собой живописные шпинатные разводы.

В переговорной повисла оглушительная, вакуумная тишина. Пиарщица Инга картинно прикрыла рот ладошкой, а генеральный директор просто закрыл глаза, видимо, мысленно подсчитывая сумму компенсации за моральный ущерб сотруднику холдинга.

Кирилл медленно опустил голову. Он несколько секунд молча разглядывал фиолетовое пепелище на своих джинсах. Смузи было действительно много. И оно было холодным. Очень холодным.

Он поднял взгляд на Машу. Девушка стояла бледная, испуганная, судорожно сжимая в кармане свои леденцы. На её

лице читалась такая гамма чувств — от ужаса до готовности провалиться сквозь землю, — что Кирилл внезапно понял: он совершенно не злится. Наоборот, эта ситуация была настолько нелепой, живой и выбивающейся из любого регламента, что ему захотелось рассмеяться.

Кирилл спокойно протянул руку, слизнул одну фиолетовую каплю с запястья, причмокнул и посмотрел Маше прямо в глаза.

— Что ж, — произнёс он, стараясь, чтобы голос звучал максимально невозмутимо. — Черника свежая, урожай этого года. Но должен заметить, Мария... ваши методы маркетинга и отстаивания позиций явно чересчур агрессивные.

Маша что-то испуганно пробормотала про «случайно», но Кирилл уже её не слушал. Он смотрел на её вспыхнувшие щёки и понимал, что работа в издательстве «Слово» будет гораздо, гораздо интереснее, чем он предполагала. Эта партизанка в бежевом жакете только что объявила ему войну. И Кирилл Гордеев был готов принять этот вызов с огромным удовольствием.

Глава 3. Доктрина Маргариты

Пятничный вечер в баре «Литературный оргазм» напоминал улей, в котором пчёлы вместо нектара перерабатывали чистый стресс мегаполиса. Маша Воронцова сидела в самом глубоком кожаном кресле у углового окна и с такой яростью возила пластиковой трубочкой по дну бокала, словно пыталась прорубить окно в параллельную вселенную, где глянцевого креативщиков сжигают на кострах из их же журналов.

— И он такой говорит мне: «Ваш дизайн продаёт беспросветную тоску»! — Маша сделала драматическую паузу, обведя подруг яростным взглядом. — Мне! Человеку, который лично выбил три допечатки тиража для Лукина! Человеку, у которого каждая запятая в договорах согласована с юридическим отделом холдинга!

— Маш, тише, ты сейчас трубочкой стекло проткнёшь, — Лера Мальцева, сидевшая напротив, изящно поправила в ухе огромную асимметричную серьгу из эпоксидной смолы и латуни. Её зелёные глаза азартно поблёскивали в приглушённом свете неоновых вывесок бара. — Давай вернёмся к ключевой сцене. Смузи. Фиолетовая дуга. Ты уверяешь, что шпинат растёкся именно по его прессу? То есть сквозь мокрую ткань худи было видно... анатомические подробности?

— Лера! — Маша почувствовала, как её щёки мгновенно вспыхнули жарче, чем неоновая вывеска над их столом. — Я

тебе рассказываю о крахе своей карьеры, о том, что Пётр Аркадьевич нагло урезал мои полномочия и сделал меня со-руководителем с этим пришельцем, а тебя интересует рельеф его живота?!

— Ну, карьера — дело наживным, а хороший мужской пресс на дороге не валяется, — прыснула Даша Ковалёва. Она сидела, закинув ногу на ногу в облегающих спортивных лосинах, — примчалась в бар прямо из фитнес-клуба после четырёх персональных тренировок подряд. На шее у неё до сих пор болтался профессиональный свисток. — Маш, если этот твой Кирилл продолжит качать права, свистни мне. Я приду к вам в редакцию под видом автора пособия по кроссфиту и случайно уроню на него двадцатикилограммовый блин от штанги. Чисто ради оптимизации его креативных чакр.

— Никакого насилия и криминала! — мягко, но решительно вмешалась Аня Тихомирова, аккуратно пододвигая к Маше небольшую картонную коробочку, перевязанную капроновой розовой лентой. Из коробочки божественно пахло корицей, топлёным молоком и тёплым шоколадом. — Вот, Машенька, съешь. Это мои новые капкейки «Антистресс». Я сегодня вручную три часа взбивала крем. Секретный ингредиент — двойная порция бельгийского тёмного шоколада и ровно полторы столовые ложки коньяка в бисквите. Помогает при кадровых перестановках лучше любого психотерапевта.

Маша глубоко вздохнула, закрыла глаза и с видом великомученицы вонзила зубы в нежнейший, ещё тёплый бисквит. Шоколадно-коньячная лавина мгновенно начала свою спасательную операцию в её измученном организме. Она зажевала кондитерский шедевр мятным леденцом, устроив во рту абсолютный вкусовой хаос, и откинулась на спинку кресла.

— Анечка, ты святая. Если бы не ты, я бы сегодня уволилась, — пробормотала Маша, слизывая крем с губы. — Но вы не понимаете всей глубины катастрофы. Генеральный заставил нас работать вместе над флагманским проектом года — перезапуском серии русской классики для зумеров. И ладно бы только этот Кирилл с его дурацкой панамой и высокомерием! Так к нему же сразу присосалась Инга. Наша пиар-анаконда. Сегодня на летучке она ворковала вокруг него, как голубка над крошкой французского багета: «Ой, Кирилл Андреевич, у вас такой свежий западный подход, такой digital-взгляд!» Меня чуть не стошнило прямо на их совместный план продвижения.

— О-о, Инга, — протянула Лера, подзывая официанта и заказывая ещё один раунд «Маргариты» на четверых. — Помню эту пиявку. Она в прошлом месяце пыталась выбить у меня скидку в семьдесят процентов на партию моих браслетов для презентации какого-то автора, аргументируя это «великим пиаром в её личных соцсеточках». Знаем, плавали. Такие, как она, обожают смазливых мальчиков из холдингов с бюджетами в кармане. Кстати, о кошмарах... Меня

саму дома ждёт персональный ад. Мой сосед за стеной.

— Тот самый программист? — Аня сочувственно посмотрела на Леру.

— Да! Этот зануда Артём вчера в два часа ночи снова стучал мне в стену шваброй! Видите ли, моя инди-музыка мешает ему писать код для какого-то сверхважного стартапа. Он пригрозил, что купит перфоратор и будет включать его ровно в восемь утра по субботам. Представляете, какой сухарь? Никакого чувства прекрасного! Живёт как робот.

— Ладно вам о мужиках, — Даша стукнула кулаком по столу, отчего бокалы жалобно звякнули. — Воронцова, соберись. Включаем режим «Партизанская война». Ты — мозг этого издательства. Ты знаешь авторов, знаешь рынок, помнишь наизусть все типографские расценки. Этот твой Кирилл — просто пришелец из глянца, он думает красивыми картинками, которые нельзя применить к суровой реальности. Твоя задача — доказать генеральному, что без твоего текста его картинки — это просто макулатура, завернутая в красивый фантик.

— Легко сказать, — вздохнула Маша, доставая свой планер и открывая чистую страницу. — Он заблокировал мой макет для Достоевского. Сказал, что моя обложка транслирует похороны эстетики.

— Значит, найди его слабое место, — Лера хитро прищурилась, принимая у официанта свежий бокал с коктейлем. — Все эти идеальные мальчики из глянца, привыкшие к чи-

стым студиям и кондиционерам, дико бояться форс-мажоров и капризных гениев. Нарушь его зону комфорта. Покажи ему изнанку книжного мира.

Маша замерла. Её аналитический мозг, подпитанный ко-
ньячным капкейком и клубничной «Маргаритой», мгновен-
но начал выстраивать логические цепочки. Буквы в её голо-
ве начали складываться в чёткий, структурированный план.

— Лукин... — медленно, с нарастающим торжеством произнесла Маша. На её лице впервые за всю неделю появилась хищная, истинно редакторская улыбка. — У нашего главного автора детективов, Иннокентия Лукина, через три дня юбилей. Семьдесят лет. И он наотрез отказывается подписывать новый контракт на три книги, пока ему не привезут какой-то особый сорт цейлонского чая, который собирают только в полнолуние. И общаться он готов исключительно со «свежим, креативным руководством», потому что старое, то есть я, его якобы не ценит.

Подруги переглянулись. Даша довольно потёрла ладони, а Лера победно подняла свой бокал.

— Кажется, у твоего Кирилла Андреевича намечается очень весёлое и познавательное чаепитие, — усмехнулась Даша.

Маша решительно вырвала листок из планера и написала наверху: *«Военная доктрина Маргариты. Пункт 1: Направить Лукина».*

— Ну что, девочки, — Маша подняла свой бокал, её гла-

за азартно блестели. — За классическую литературу, сокрушительные дебюты и за то, чтобы шпинат на чужом прессе никогда не становился помехой для карьерного роста!

Четыре бокала со звоном встретились над столом. Война за издательство «Слово» официально переходила в партизанскую фазу, и Маша Воронцова была готова применить всё своё тактическое оружие.

Глава 4. Война на бумаге и кактусы Лукина

Если Маша Воронцова думала, что её изящный партизанский маневр под кодовым названием «Иннокентий Лукин» останется незамеченным для человека, который три года выживал в серпентарии топовых глянцевого редакций, то она дико недооценивала своего нового со-руководителя.

Кирилл сидел за своим новым рабочим столом, который пока ещё пах свежим лаком и пластиком, и с улыбкой рассматривал служебную записку, оставленную Машей на его клавиатуре ровно в 8:55. Записка была написана на безупречно белой бумаге, её почерк напоминал каллиграфический шрифт, а в конце стояла строгая, почти ультимативная подпись. Суть документа сводилась к следующему: главный автор детективов издательства «Слово» Иннокентий Васильевич Лукин празднует юбилей, капризничает, не подписывает стратегический контракт и требует «свежего креативного подхода». Маша великодушно делегировала эту священную миссию Кириллу, приписав мелким шрифтом: *«Уверена, ваш digital-взгляд легко решит эту незначительную проблему»*.

— Digital-взгляд, говоришь? — негромко хмыкнул Кирилл, делая глоток из своей утренней термocupки. Сегодня там был обычный чёрный кофе, потому что после фиолето-

вого погрома в понедельник он решил временно исключить шпинат из своего офисного рациона. — Ну что ж, Мария, вызов принят.

Кирилл прекрасно понимал, что Маша натравила на него Лукина как цепного пса, надеясь, что семидесятилетний консервативный писатель, признанный мэтр криминального жанра, смешает глянцевого выскочку с грязью за первые пять минут общения.

В 11:00 дверь его кабинета отворилась, и на пороге появился сам Иннокентий Лукин. Писатель выглядел в точности так, как Кирилл его себе и представлял: тяжёлый шерстяной твидовый пиджак, несмотря на тёплый сентябрь, густые седые брови, сердито сдвинутые к переносице, и массивная трость с набалдашником в виде головы орла.

— Ну?! — громовым басом выдохнул Лукин прямо с порога, вонзая наконечник трости в новый ковролин Кирилла. — И где тут это юное дарование из журналов, которое хочет завернуть моих сыщиков в розовый неон для малолетних идиотов?! Где этот вредитель?!

Кирилл не вскочил с места, не начал судорожно лебезить и оправдываться. Вместо этого он спокойно поднялся, засушил рукава своего тёмно-синего пуловера и лучезарно улыбнулся.

— Иннокентий Васильевич, добрый день. Заходите, пожалуйста. Я как раз читал вашу последнюю рукопись «Убийство в зеркальном лабиринте». И, честно говоря, у меня к

вам куча вопросов по поводу узла, которым убийца связал жертву в третьей главе. Это же классический морской калмыцкий узел, верно? Его сейчас почти никто не использует, чистая эстетика старой школы нуара.

Лукин замер на полшага. Его седые брови удивлённо поползли вверх, а трость застыла в воздухе.

— Ты... ты читал? Не просто обложку смотрел?

— Я прочитал все ваши девятнадцать романов, Иннокентий Васильевич, — абсолютно честно ответил Кирилл, аккуратно пододвигая к писателю самое мягкое кожаное кресло. — И именно поэтому я считаю, что ваши прошлые обложки — это преступление против вашего таланта. Они делают из вашего глубокого психологического нуара дешёвое чтиво для электричек. А вы пишете как классики французского детектива. Вам нужен стиль. Минимализм. Чёрно-белый контраст и глубокие тени, как в фильмах Альфреда Хичкока.

Лукин медленно, кряхтя, опустился в кресло. На его суровом лице впервые за день проступило что-то похожее на человеческий интерес.

— Хичкока, говоришь? Хм... Ну-ка, ну-ка, поподробнее. Машка-то мне вечно сует этот нафталин с кровавыми следами, говорит, пипл хакает...

— Маша — потрясающий редактор, она бережёт традиции, — дипломатично вставил Кирилл, мысленно ставя себе жирный плюс за лояльность. — Но она слишком загружена операционной работой. А мы с вами сделаем коллек-

ционное издание. Кстати, Иннокентий Васильевич, я знаю, что вы ищете особый цейлонский чай, который собирают в полнолуние. Мой друг-фотограф часто бывает на Шри-Ланке, он привёз мне две банки именно этого урожая. Но перед чаем... как вы относитесь к хорошему кофе с сиропом «солёная карамель»? Моя личная заначка.

Спустя три часа Маша Воронцова, караулившая у дверей кабинета Кирилла с блокнотом наготове, заглянула внутрь, ожидая увидеть там руины, пепелище и заявление Кирилла об увольнении.

Вместо этого её глазам предстала картина, которая заставила её мятный леденец со свистом пролететь прямо в горло.

Кирилл и Иннокентий Васильевич Лукин сидели рядышком на диване. Перед ними дымились две чашки кофе, пахло карамелью, а на экране планшета Кирилла был открыт... сайт международной ассоциации кактусоводств.

— Я тебе говорю, Кирюха, этот эхинокактус Грузона требует полива строго раз в две недели! — увлечённо гремел Лукин, дружески хлопая креативного директора по плечу. — А ты его залить хотел! Ладно, тащи свой контракт, подпишу я его. Но с условием: обложку с тёмными тенями Хичкока делаешь лично ты! Машке не доверяй, она у нас девочка строгая, всю романтику нуара погубит своими таблицами.

Кирилл поднял глаза и заметил стоящую в дверях Машу. На её лице застыла такая гамма чувств — от шока до глубокого, искреннего возмущения предательством её любимого

автора, — что Кирилл едва сдержал победный смех.

Он плавно поднялся, взял со стола подписанный Лукиным контракт на три новые книги с огромными тиражами и подошёл к Маше.

— Добрый день, со-руководитель Мария, — тихо, чтобы не слышал увлёкшийся кактусами писатель, произнёс Кирилл, протягивая ей документы. На его губах плясала та самая наглая, но чертовски обаятельная ухмылка. — Проблема с автором решена. Контракт подписан. Экспертное мнение по поводу калмыцкого узла получено. Как видишь, мой digital-взгляд отлично справляется и с аналоговыми авторами. С тебя чашка какао на следующем девичнике.

Маша вырвала у него из рук папку с контрактом, её тёмные глаза полыхнули таким праведным гневом, что Кирилл на секунду испугался, как бы она не материализовала из воздуха ещё один стакан смузи.

— Вы невыносимы, Гордеев, — процедила она сквозь зубы, разворачиваясь на каблуках.

«1:1, Воронцова, — подумал Кирилл, глядя ей вслед и чувствуя, как внутри разгорается самый настоящий, азартный огонь. — Наша партизанская война становится всё интереснее».

Глава 5. Тонкий пиар анаконды и застрявший кактус

Четверг в издательстве «Слово» начался с происшествия, которое Маша мысленно занесла в категорию «Абсурд повышенной сложности». Иннокентий Васильевич Лукин, окрылённый дружбой с Кириллом, прислал в редакцию подарок в знак примирения — огромный, устрашающего вида эхинокактус Грузона в глиняном горшке. Проблема заключалась в том, что курьер умудрился застрять с этим колючим монстром в дверях грузового лифта, и теперь половина мужского состава отдела логистики пыталась вызволить растение, пока Кирилл давал им указания, сверяясь с «золотым сечением».

Маша стояла у кофемашины, меланхолично наблюдая за этой суетой сквозь стеклянную перегородку, и медленно разжёвывала мятный леденец.

— Подумаешь, кактус, — тихо проворчала она, нажимая на кнопку приготовления какао. — В прошлый раз Лукин прислал нам живого гуся в чемодане, когда застрял на финале детективной главы. Вот это был кризис-менеджмент.

— Доброе утро, Машенька, — раздался за спиной шёлковый, приторно-сладкий голос.

Маша внутренне подобралась и обернулась. Из-за угла выплыла Инга. Сегодня пиар-директор выглядела так, словно сошла со страниц каталога деловой одежды преми-

ум-класса: шёлковая блузка глубокого винного цвета, безупречно уложенное каре и шлейф парфюма с нотами дикой орхидеи, способный свалить с ног небольшого кабана. В руках Инга держала пузатый бокал с детокс-водой и лимоном.

— Прекрасный день, правда? — Инга изящно облокотилась на стойку, её глаза хищно блеснули. — Наш Кирилл Андреевич просто творит чудеса. Мужчины в логистике так его слушают! Настоящий лидер. Кстати, ты видела, как он вчера переделал концепт продвижения для серии классики? Это просто... космос. Такой западный подход.

— Да, видела, — сухо ответила Маша, забирая свою чашку с какао. — Но концепт мы утверждали вместе. И текстовое наполнение, без которого эти картинки не имеют смысла, прописывал мой отдел.

— Ну конечно, конечно, — Инга пассивно-агрессивно улыбнулась, пригубив свою воду. — Текст — это очень важно. Это база, Машенька. Скучная, рутинная база, кто-то же должен ею заниматься, пока креатив двигает компанию вперёд. Кстати, о продвижении... Сегодня вечером в ресторане «Облака» пройдёт закрытый ужин с топовыми книжными блогерами. Презентуем им нашу новую философию холдинга. Кирилл, разумеется, будет главным спикером. Я забронировала нам места рядом, прямо у панорамного окна.

Маша на секунду замерла. Её аналитический мозг мгновенно выдал ошибку в расчётах. Закрытый ужин? С блогерами? Сегодня? Почему в её идеально структурированном

планере об этом нет ни слова?

— Закрытый ужин? — Маша приподняла бровь, стараясь, чтобы голос звучал максимально равнодушно. — Странно, почему мне не пришло официальное приглашение на почту? Книжные блогеры — это моя прямая зона ответственности как ведущего редактора художественной литературы. Я должна лично контролировать, какие тезисы они будут транслировать своей аудитории.

— Ах, Машенька... — Инга картинно прижала ладонь к груди, и на её лице отобразилась такая глубокая, фальшивая забота, что Маше захотелось закатить глаза до затылка. — Неужели не пришло? Какой кошмар! Наверное, в IT-отделе опять полетели серверы из-за этого слияния холдингов. Или... оу, я, кажется, вспомнила! Организаторы из «Медиа-Групп» выставили такой жёсткий, бескомпромиссный лимит на посадочные места от ресторана. Буквально каждый стул на счету! Только топ-менеджмент и ключевые инфлюенсеры. Я подумала, ты сегодня так занята вычиткой новой сложной корректуры Лукина... Ты ведь вечно по уши в этих пыльных рукописях, зачем тебе отвлекаться на светскую суету зумеров? Там такой строгий коктейльный дресс-код, вечерние платья, шёлк... Тебе просто некогда было бы готовиться.

Это был классический, филигранный хук слева в стиле Инги. Пассивная агрессия, упакованная в шёлковую обёртку заботы. Инга не просто «забыла» отправить приглашение.

Она намеренно вычеркнула Машу из списков, чтобы единолично блистать рядом с Кириллом перед инвесторами холдинга и выставить Машу консервативной серой мышью, не способной выйти в свет.

В этот момент к кофемашине подошёл Кирилл — со взъерошенными после битвы с кактусом волосами, но в неизменно стильном сером свитшоте.

— Привет, коллеги, — лучезарно улыбнулся он. — Лифт спасён, кактус Грузона официально занял своё место на моём подоконнике. Маша, Инга, вы готовы к сегодняшнему вечеру? Инфлюенсер Влад подтвердил участие, у него два миллиона подписчиков, он разнесёт наш концепт Достоевского на атомы, если мы не будем убедительны. Маша, жду от вас разгромных аргументов по тексту.

Инга на секунду побледнела, но тут же перехватила инициативу, сладко заглядывая Кириллу в глаза и касаясь его предплечья:

— Конечно, Кирилл Андреевич! Мы с вами сделаем это шоу. Жаль только, Машенька сегодня никак не может — у неё срочный дедлайн по сдаче тиража в типографию, она сама только что говорила, как загружена рутиной...

Маша посмотрела на Ингу, затем на Кирилла, который удивлённо приподнял брови. В её кармане леденцы зашуршали с утроенной силой. «И — интрига, К — коварство, О — ответный удар», — мысленно пронеслось в её голове.

— Ну что вы, Инга, ради такого важного стратегическо-

го события я найду время, — Маша мило, хищно улыбнулась пиар-директору прямо в лицо. — Типография подожжёт свои дедлайны ради двух миллионов подписчиков Влада. Кирилл Андреевич, буду в ресторане ровно в семь. Уверена, организаторы найдут один лишний стул для человека, который эти книги, собственно, создаёт.

Когда Кирилл ушёл, Инга повернулась к Маше. От её утренней шёлковой приветливости не осталось и следа. Глаза пиар-директора превратились в две узкие щели.

— Послушай меня, Воронцова, — тихо, со свистом прошептала она, сделав шаг вперёд. — Не путайся под ногами. Этот проект — мой шанс вывести пиар-отдел на международный уровень холдинга. Кирилл мыслит масштабно, как я. А твои консервативные взгляды и вечные таблицы здесь только всё испортят. Не пытайся прыгнуть выше своей редакторской головы, шёлк тебе всё равно не к лицу.

Инга развернулась и стремительно пошла по коридору, стуча дорогими шпильками.

Маша осталась стоять у кофемашины, сжимая в руке остывающую чашку какао. Её идеальный план на четверг был безжалостно взломан. Приглашения нет, дресс-код вечерний, времени ехать домой за платьем из-за адских пробок на Садовом не будет. Инга была уверена, что выиграла этот раунд.

Но Инга не учла одного: Маша Воронцова три года выживала на книжном рынке. И если для триумфа текста ей при-

дётся явиться на светский раут в своём любимом рабочем сером свитере-оверсайз и кроссовках, она сделает это. Война переходила на территорию высокой кухни, и Маша была готова закинуть свой главный мятный леденец прямо в эпицентр этого гламурного безумия.

Глава 6. Блогерский десант и true-crime на полях

Четверг, 19:35. Садовое кольцо, как обычно в это время, застыло в глухом, беспросветном параличе. Маша сидела на заднем сиденье такси, судорожно сжимая в руках свой планер, и с тоской смотрела в окно на бесконечную вереницу красных стоп-сигналов. Экран её телефона то и дело загорался от сообщений в общем чате подруг.

Даша: *«Воронцова, ты где?! Инга уже выложила сторис из "Облаков". Она там в шёлковом платье винного цвета с открытой спиной трётся около твоего Кирилла так близко, будто пытается стать его вторым худи!»*

Лера: *«Я посмотрела её аккаунт. Платье — прошлый сезон, крой неудачный, но спина действительно открытая, а декольте опасное. Маш, ты как оделась? Ты успела домой?»*

Маша: *«Какое домой, девочки, я намертво стою у Сухаревской. На мне мои любимые джинсы, серый свитер-оверсайз грубой вязки и белые кроссовки. Я выгляжу так, будто собралась сдавать макулатуру, а не презентовать Достоевского миллионникам. Кажется, это полный крах».*

Аня: *«Главное — не одежда, а интеллект! Но свитер растягни на пару пуговиц, если они там есть... Ой, в свитере же нет пуговиц. Просто держись! Интеллект всегда*

бьёт шёлк!»

Когда Маша наконец влетела в роскошный, залитый приглушённым неоновым светом зал ресторана «Облака» на тридцать каком-то этаже высотки, часы показывали без пяти восемь. Атмосфера внутри была пафосной до физической тошноты. В воздухе пахло дорогими селективными духами, устрицами и звоном бокалов с коллекционным шампанским. Вокруг круглого стола у панорамного окна с видом на сияющую ночную Москву устроился самый настоящий блогерский десант. Девушки с безупречным контурингом лица и айфонами наготове лениво переговаривались, периодически поправляя идеальные локоны.

В центре этого гламурного великолепия блистала Инга. Она стояла рядом с Кириллом, громко и неестественно смеясь над шуткой какого-то известного тикток-блогера. Кирилл в элегантном тёмно-синем костюме, идеально сидевшем на его широких плечах, выглядел как ожившая обложка журнала, который он сам когда-то редактировал. Белая рубашка была расстёгнута на две верхние пуговицы — никакой дурацкой панамы или растрёпанных волос. Настоящий топ-менеджер премиум-класса.

Маша в своём огромном сером свитере и удобных кроссовках чувствовала себя пингвином, случайно забредшим на закрытый бал-маскарад к павлинам. Несколько блогеров высокомерно окинули её взглядом с ног до головы, задержавшись на подошвах её обуви. Инга, заметив вошедшую Ма-

шу, победно приподняла свой бокал с шампанским и едва заметно, торжествуя улыbnулась.

— Оу, Машенька, ты всё-таки доехала сквозь свои дедлайны! — громко, чтобы слышали все, заворковала Инга, когда Маша подошла к столу. — Какая ты... уютная. В этом свитере. Правда, у нас тут строгий дресс-код, но для наших тружеников редакции мы, конечно, сделаем исключение. Кирилл Андреевич, мы как раз обсуждали с Владом философию цвета новой обложки.

Главная звезда вечера — Влад, топ-инфлюенсер с двумя миллионами подписчиков и репутацией самого циничного книжного критика рунета, — лениво зевнул, рассматривая свой безупречный маникюр.

— Всё это здорово, Ингочка, — протянул Влад, вяло пригубив свой детокс-коктейль. — Но, честно говоря, все эти ваши разговоры о синергии смыслов, неоновых градиентах и визуальных кодах... Это скучно. Зумеры не дураки. Если вы просто завернёте Достоевского в яркую обложку, они не побегут его покупать. Им нужен триггер. Нужен хайп. Вот что вы, как издательство, можете предложить принципиально нового в самом тексте? Зачем мне читать книгу, если я могу посмотреть краткий пересказ на Ютубе?

Инга на секунду замерла. Её профессиональная пиар-улыбка натянулась, как струна на скрипке, готовая вот-вот лопнуть.

— Ну... мы планируем добавить интерактивные QR-коды

с плейлистами к каждой главе... Кирилл, помоги мне? Ты же разрабатывал этот трек?

Кирилл открыл было рот, чтобы ответить, но Маша, стоявшая чуть поодаль с бокалом обычной минералки, поняла: это её звёздный час. Козни Инги, пробки, серый свитер — всё отошло на второй план. На кону стоял Фёдор Михайлович Достоевский, а в вопросах классики Маша Воронцова пленных не брала.

Она сделала глубокий вдох, закинула в рот мятный леденец и решительно шагнула вперёд, отодвигая Ингу плечом.

— Мы предложим им первозданный контекст, Влад, — чётко, уверенно и звонко произнесла Маша.

Все за столом синхронно повернулись к ней. Инга предупреждающе сузила глаза, но Машу было уже не остановить. Кирилл с любопытством подался вперёд, и в его карих глазах загорелся знакомый азартный огонёк.

— Контекст? — Влад лениво приподнял бровь. — И какой же?

— Что если я скажу вам, что «Преступление и наказание» — это первый в истории true-crime подкаст, просто записанный на бумаге сто пятьдесят лет назад? — Маша мягко улыбнулась, полностью перехватывая внимание аудитории. — Современные зумеры обожают истории про реальных маньяков, психологические разборы и сериалы вроде «Монстра» от Нетфликс. В нашем новом издании мы не меняем ни единого слова великого классика. Мы меняем угол зрения.

Мы пригласили ведущего судебного эксперта-криминалиста и профессионального профайлера. Их комментарии будут идти прямо на полях книги, оформленные как всплывающие уведомления в мессенджере или ветка комментариев в закрытом чате. Профайлер будет разбирать психотип Раскольникова в момент планирования убийства старухи. Криминалист объяснит, какие ошибки совершил Родион с точки зрения улики и почему Порфирий Петрович — идеальный ментальный манипулятор. Мы даём читателю не школьную программу, а интерактивное расследование.

В переговорной... точнее, в роскошном зале ресторана повисла оглушительная тишина. Влад замер со своим бокалом, его глаза округлились. Две блогерши рядом перестали поправлять локоны и синхронно уставились на Машу.

— Профайлер на полях Достоевского? — медленно, смакуя каждое слово, произнёс Влад. На его лице впервые за вечер появилась живая, хищная улыбка топового блогера, учувшего мега-хайп. — Чёрт... А это дико круто! Это же готовый вирусный тренд для Тиктока! «Разбор Раскольникова от эксперта МУРа». Слушай, детка, а это гениально. Напиши мне сегодня же в директ, мы сделаем совместный стрим на релизе. Как тебя зовут?

— Мария, ведущий редактор художественной литературы издательства «Слово», — скромно, но с абсолютным достоинством ответила Маша, поправляя рукав своего огромного серого свитера.

Остаток вечера прошёл под полную диктовку Маши. Блогеры обступили её, наперебой предлагая идеи для коллабораций, напрочь позабыв про Ингу. Пиар-директор в полном одиночестве уничтожала уже третий бокал шампанского у бара, и её взгляд, направленный на Машу, мог бы без труда испепелить небольшое издательство вместе со складом.

Кирилл не отходил от Маши ни на шаг. Он подливал ей минералку, подавал закуски и смотрел на неё с совершенно новым, нечитаемым выражением лица — смесью профессионального шока, азарта и... искреннего, глубокого восхищения. В его глазах больше не было глянцевого превосходства.

— Это было абсолютно гениально, Мария, — тихо сказал Кирилл, когда они вместе выходили из ресторана на прохладный ночной воздух Садового кольца ближе к полуночи. Инга уехала раньше, даже не попрощавшись. — Извини меня. Я был идиотом. Я не защитил тебя перед Ингой насчёт этого глупого дресс-кода, я просто не знал... Но твой серый свитер сегодня полностью разгромил её шёлк. Текст действительно бьёт картинку.

— Рада, что вы это поняли, Кирилл Андреевич, — устало, но победно улыбнулась Маша, вдыхая ночной воздух.

— Но у нас проблема, — Кирилл посмотрел на часы. — Завтра в девять утра презентация этого проекта у генерального директора и инвесторов холдинга. Нам нужно зафиксировать все твои тезисы про профайлера в графическом макете до утра. Поедем в офис? Я обещаю заказать самую вред-

ную и вкусную пиццу в этой сытой Москве.

Маша посмотрела на него, прикинула объём работы и вздохнула. Её идеальный планер на сегодня был уничтожен, но этот чертовски привлекательный креативщик в тёмно-синем костюме сейчас предлагал ей то, ради чего она жила, — совместное создание настоящего книжного шедевра.

— Поехали, Гордеев, — кивнула она. — Но чур пицца с пепперони и двойным сыром. И без шпината!

Глава 7. Когда гаснет экран

Ночное издательство «Слово» в половине первого ночи выглядело совсем не так, как днём. Исчезла суета, затихли вечные споры авторов, а в пустых полутёмных коридорах гулко отдавался каждый шаг. Кирилл шёл по ковролину, неся в руках две огромные коробки с пиццей, от которых божественно пахло расплавленным сыром, пепперони и чесночным соусом. За ним, едва поспевая, семенила Маша. Свой строгий бежевый жакет она давно забросила на спинку кресла в кабинете, и теперь в своём огромном сером свитере выглядела непривычно домашней, уютной и... беззащитной.

«Если бы мне кто-то сказал в глянце, что я буду в полночь радоваться коробке жирной пиццы в компании строгого книжного редактора, я бы посчитал этого человека сумасшедшим», — подумал Кирилл, устраивая коробки прямо на журнальном столике в Машином кабинете.

Они устроились прямо на полу, у низкого столика. Перед ними горел единственный источник света — экран Машиного ноутбука и графический планшет Кирилла. Споры, которые ещё днём напоминали боевые действия, теперь превратились в чистый творческий экстаз. Маша на ходу формулировала тезисы для криминалиста, её глаза азартно блестели в темноте, а Кирилл тут же, на планшете, подбирал шрифты и верстал макет страницы.

Она оказалась чертовски умной. Не просто начитанной, а мыслящей масштабно, глубоко. Каждый раз, когда Маша увлекалась, она начинала смешно жестикулировать кусочком пиццы, а её правая рука автоматически тянулась к карману за мятным леденцом. Кирилл ловил себя на том, что вместо экрана всё чаще разглядывает её профиль, мягкие тени от ресниц и то, как забавно выбилась тёмная прядь из её идеального пучка. В ней не было той фальшивой, просчитанной до миллиметра глянцевої красоты, от которой он так устал. Маша Воронцова была настоящей. Настоящей до последней строчки.

— Слушай, Гордеев, а если мы сделаем здесь не просто рамку, а имитацию интерфейса мессенджера? — Маша повернулась к нему так резко, что их лица оказались в каких-то двадцати сантиметрах друг от друга. Она замерла, её дыхание на секунду перехватило. Кирилл почувствовал тонкий аромат её мятных конфет и шлейф какао.

— Имитацию интерфейса... — эхом повторил Кирилл, глядя прямо в её большие тёмные глаза. Внутри него словно замкнуло какой-то важный провод. — Да. Это... это отличная идея, Маш.

В эту самую секунду, словно в дешёвом драматическом фильме, экран ноутбука моргнул. А затем в издательстве с громким, тяжёлым щелчком погасло абсолютно всё.

Кабинет мгновенно погрузился в непроглядную, вакуумную тьму. За окном шумело Садовое кольцо, но плотные жа-

люзи не пропускали свет уличных фонарей.

— Ой! — тихо пискнула Маша в темноте. Кирилл услышал шуршание её свитера. — Что это? Гордеев, это у тебя ноутбук сел?

— Ноутбук бы работал от батареи, Маш, — Кирилл на ощупь потянулся к карману джинсов и достал телефон, включая встроенный фонарик. Луч света выхватил из темноты испуганное лицо Маши. — Похоже, во всём здании вырубило фазу. Ночная автоматика холдинга. Они часто отключают силовые кабели на профилактику с двух до пяти утра в целях экономии.

— В смысле — экономии? — Маша подскочила с пола. — У нас презентация в девять утра! Мне нужно дописать три абзаца! Пойдём на ресепшен, у Анечки там должен быть резервный щиток.

Они вышли в тёмный коридор, подсвечивая себе путь фонариками от телефонов. Издательство сейчас напоминало заброшенный замок. Маша уверенно шагала впереди, но когда они дошли до стеклянных дверей зоны ресепшена, её кроссовки резко затормозили.

Маша толкнула стеклянную дверь. Та даже не шелохнулась. Она дёрнула сильнее, навалившись всем телом. Результат был прежним.

— Не поняла... — пробормотала она, лихорадочно прикладывая свою пластиковую карту-пропуск к электронному считывателю. Считыватель был мёртв. На нём не горел даже

маленький красный огонёк. — Карта не работает. Кирилл, попробуй свою!

Кирилл приложил свой пропуск премиум-класса от холдинга. Ничего.

— Система контроля доступа обесточена, Маш, — спокойно констатировал Кирилл, подёргав массивную ручку. — Магнитные замки наглухо заблокировались в режиме безопасности. При потере питания они блокируют этаж, чтобы никто со стороны не зашёл.

— Отлично! Значит, мы можем выйти через запасной выход у пожарной лестницы! — Маша развернулась и почти бегом устремилась в конец коридора. Кирилл едва успевал за ней.

Но у пожарного выхода их ждал точно такой же мёртвый электронный замок. Окна первого этажа были закрыты глухими декоративными решётками, через которые не пролезла бы даже пиар-директор Инга после жёсткой диеты.

— Так, без паники, — Маша лихорадочно задышала, её пальцы судорожно зашуршали пачкой леденцов. — Сейчас... сейчас я позвоню на пост охраны. У них есть центральный пульт, они откроют вручную.

Она поднесла телефон к лицу и замерла. На экране в верхнем углу горела унылая надпись: «Нет сети».

— Что за бред... — прошептала она.

— Бетонные перекрытия нового здания холдинга, — Кирилл достал свой телефон и продемонстрировал ей точно та-

кой же чистый экран без единой палочки связи. — Они глушат сигнал намертво, а внутренний ретранслятор этажа отключился вместе с основным питанием. Внутренние телефоны тоже мертвы, Маш. Они работают от офисной АТС.

Маша медленно, словно у неё подкосились ноги, опустилась на маленький диванчик для посетителей прямо в коридоре. Фонарик её телефона высветил её бледное лицо и расчёпанные кудри, которые окончательно выбились из пучка.

— То есть... — она подняла на него глаза, полные искреннего, детского ужаса. — Мы заперты здесь? До восьми утра? В пустом издательстве? Вдвоём? Без электричества и без связи?

Кирилл медленно выключил фонарик своего телефона, оставив гореть только один луч, направленный в потолок, чтобы создать хоть какой-то мягкий свет. Он подошёл к дивану, засунул руки в карманы джинсов и посмотрел на неё сверху вниз. На его губах снова появилась та самая, фирменная наглая ухмылка, но в глубине карих глаз плясали тёплые, азартные и совершенно не офисные чертики.

— Похоже на то, со-руководитель Воронцова, — тихо, с лёгкой хрипотцой произнёс он. — Мы официально отрезаны от цивилизации. Самое время узнать, какие ещё тайны, кроме профайлинга Достоевского и мятных леденцов, вы скрываете под этим огромным серым свитером. И учти, бежать тебе абсолютно некуда.

Глава 8. Косплей на складе маркетинга и записка главреда

Первые полчаса в темноте Маша честно пыталась действовать по правилам кризис-менеджмента. Она мерила шагами тёмный коридор, подсвечивая стены фонариком, проверяла каждый замок и даже попробовала постучать в массивное окно переговорной, но толстые стёкла издательства «Слово» надёжно глушили любые звуки. На улице Садового кольца лениво перемигивались фары редких машин, а в офисе из-за отключения вентиляции становилось всё прохладнее.

Кирилл тем временем преспокойно вернулся в её кабинет, вытянул ноги и устроился на диване, подложив под голову рюкзак.

— Воронцова, прекрати шуршать, у меня от твоего маятникового движения уже голова кружится, — лениво проговорил он из темноты. Его голос звучал непозволительно бархатно и спокойно для человека, запертого в бетонной ловушке. — Нас никто не услышит. Смирись и расслабься. Проект мы почти добили. Единственный минус — здесь становится дико холодно. Твой свитер-оверсайз тебя вообще греет?

Маша остановилась в дверях кабинета и потерела край рукава. Ей действительно было зябко. Осенний холод пробирался сквозь стены старого здания.

— На складе маркетинга должны быть плоды, — вспомнила она, шмыгнув носом и мысленно раскладывая по алфавиту тёплые вещи: «*О — одеяло, П — плед, Ш — шарф*». — Или брендингованный мерч для осенних книжных выставок. Пошли искать, а то к утренней летучке мы превратимся в два леденца, которые Пётр Аркадьевич не сможет сдать холдингу.

Они подсветили дорогу фонариками от телефонов и пробрались в дальнюю комнату склада. Там пахло свежей типографской краской, новым картоном, сухими сувенирными свечами и пылью. В углу высились огромные картонные коробки с надписью: «*Костюмированный фестиваль СЛР 2025. Архивы*».

Кирилл запустил руку в самую большую коробку и с триумфальным видом вытащил оттуда... огромный, тяжёлый чёрный плащ с ярко-алым шёлковым подкладом и жёстким стоячим воротником.

— Кажется, граф Дракула оставил свой гардероб, когда мы презентовали серию вампирских романов, — хмыкнул Кирилл, тут же с глухим шуршанием накидывая плащ на плечи. — Ну как? Мне идёт?

Маша не выдержала и прыснула от смеха, зажав рот ладонью. Образ стильного, холёного креативного директора из глянца в пафосном вампирском плаще поверх современного свитшота выглядел невероятно, оглушительно комично. Полночный страх окончательно испарился, уступая ме-

сто какому-то странному, щекочущему веселью.

— Тебе не хватает только клыков и бледного грима, Гордеев, — отсмеявшись, сказала Маша, продолжая раскопки в соседней коробке. Ей повезло чуть меньше. На самом дне обнаружился только пушистый ободок с розовыми эльфийскими ушками и длинный блестящий шарф с пайетками. Делать было нечего — холод брал своё. Она вздохнула, натянула ушки и обмоталась шарфом в три оборота.

— Ну вот, теперь мы идеальная пара для худшего косплей-фестиваля года, — резюмировал Кирилл, подсвечивая её фонариком. Розовые ушки на Машиной голове забавно качнулись.

Маша повернулась, чтобы поднять с пола упавшую коробку, и её луч фонарика случайно скользнул по нижней полке стеллажа, где за стопками старых каталогов пряталась потрёпанная деревянная шкатулка. На ней красовалась скромная наклейка: «Сметы. Отдел редфонда».

— Странно, — Маша нахмурилась. — Редфонд у нас на третьем этаже, а не на складе маркетинга.

Она потянула шкатулку на себя. Та оказалась неожиданно тяжёлой. Маша открыла крышку и замерла. Внутри, аккуратно уложенная между старыми бланками строгой отчётности, лежала пузатая бутылка коллекционного шотландского виски двадцатилетней выдержки, две хрустальные стопки и початая пачка дорогих швейцарских сигар. На дне шкатулки лежал обрывок бумаги с размашистым почерком генераль-

ного директора: *«На случай визита налоговой или авторов из союза писателей. Не трогать. П.А.»*

Кирилл заглянул ей через плечо и присвистнул.

— Ого. А Пётр Аркадьевич, оказывается, хранит стратегические запасы прямо под носом у отдела аудита холдинга. Редфонд, говоришь? Ну, это действительно редкий и очень ценный фонд.

— Мы не можем это взять, — Маша строго посмотрела на бутылку, хотя её внутренний перфекционист уже высчитал, что ровно тридцать миллилитров этого янтарного напитка идеально сбалансируют её переохлаждённый организм. — Это частная собственность генерального.

— Маша, мы заперты в ледяном офисе ради спасения его же презентации, — Кирилл беззастенчиво выудил бутылку и стопки из шкапулки. — Пётр Аркадьевич сам скажет нам спасибо, когда мы завтра принесём ему контракт с Владом. Считай это производственной необходимостью для поддержания внутренней температуры креативного отдела.

Они вернулись в кабинет Маши, неся с собой бутылку, хрустальные стопки и целую охапку рекламных подушек с логотипом издательства. Кирилл сел прямо на ковёр, прильнув спиной к дивану, и похлопал по месту рядом с собой. Маша, колеблясь лишь секунду, опустилась на пол, поджав под себя ноги.

Кирилл неожиданно потянул её за плечо, усаживая плотнее к себе, и широким, уверенным движением накрыл их

обоих полами своего огромного дракуловского плаща.

Под тяжёлым бархатом мгновенно стало тепло. От Кирилла пахло дорогим древесным парфюмом, хорошей кожей, пиццей и какой-то едва уловимой зимней свежестью. Сердце Маши сделало странный, неритмичный удар, совершенно не вписывающийся в её привычный внутренний тайм-менеджмент. Она замерла, чувствуя, как его плечо плотно прижимается к ней, а пушистые эльфийские ушки на её голове едва заметно задевают его щеку.

Кирилл аккуратно разлил янтарную жидкость по хрустальным стопкам Петра Аркадьевича и протянул одну Маше.

— Ну что, со-руководитель Воронцова, — тихо произнёс он, и его карие глаза в полумраке кабинета блеснули совсем близко. — За успешный аудит редфонда и за то, чтобы наши макеты никогда не пропадали бесследно.

Маша взяла стопку, их пальцы на секунду соприкоснулись, и по её коже пробежала самая настоящая, осязаемая волна тепла, которая не имела никакого отношения к шотландскому виски. Война за издательство «Слово» продолжалась, но под этим чёрным плащом Дракулы границы их личных территорий начали стремительно и необратимо стираться.

Глава 9. Аналоговые смыслы и первый системный сбой

Виски Петра Аркадьевича обжигал горло мягким торфяным дымом, оставляя после себя затяжное, тёплое послевкусие. Кирилл держал хрустальную стопку двумя пальцами, наблюдая, как блёклый луч фонарика отбрасывает длинные, ломаные тени от их импровизированного укрытия на стены кабинета.

Рядом, укрытая вторым крылом тяжёлого дракуловского плаща, сидела Маша. Она обхватила колени руками, спрятав ладони в бесконечные рукава своего серого свитера, и задумчиво смотрела на пустую коробку из-под пиццы. Её пушистые розовые эльфийские ушки забавно съехали набок, но в полумраке кабинета это больше не выглядело смешно. Это выглядело... интимно. Так, словно весь остальной мир с его холдингами, пиар-стратегиями, Ингами и бесконечным Садовым кольцом просто перестал существовать, оставив их на этом маленьком островке ковролина.

— Знаешь, Гордеев, — тихо произнесла Маша, и её голос в тишине закрытого офиса прозвучал непривычно мягко, растеряв всю утреннюю редакторскую сталь. — Мои подруги в баре думают, что я воюю с тобой исключительно из-за амбиций. Из-за этого дурацкого кресла главного редактора художественной литературы.

— А это не так? — Кирилл повернул голову, разглядывая её профиль в неверном отсвете телефонного луча.

— Не так, — она качнула головой, и одна тёмная прядь окончательно выбилась из её пучка, упав на лоб. Маша даже не попыталась её убрать. — Десять лет назад, когда я была подростком, у меня очень тяжело, долго болела мама. Денег в семье не было вообще, отец ушёл, а я... я жутко переживала, закрывалась в своей комнате и балансировала на грани какого-то глухого, подросткового отчаяния. Единственным моим спасением, моим личным телепортом из серой, пугающей реальности были эти дурацкие, потрёпанные детективы Иннокентия Лукина. С теми самыми жуткими, «нафталиновыми» обложками из девяностых, которые ты так разгромил на летучке. Они пахли дешёвой газетной бумагой, но внутри них всегда был порядок. Там зло обязательно наказывалось в финале, а справедливость торжествовала ровно на трёхсотой странице. Для меня это была не просто макулатура. Это был мой личный круг безопасности. Когда я пришла работать в «Слово» и мне через пару лет доверили ведение серии Лукина... Для меня это стало личным манифестом. Я защищала на летучке не безвкусицу, Кирилл. Я защищала то единственное, что помогло мне выжить в детстве. И людей, которым, возможно, сейчас так же страшно и одиноко, как было мне.

Кирилл молчал. Он смотрел на то, как она судорожно перебирает в кармане свои неизменные мятные леденцы,

и чувствовал, как внутри него с глухим грохотом рушится его собственный, тщательно выстроенный бэкенд глянцевого цинизма. Вся эта спесь, с которой он ворвался в издательство, все его высокомерные речи про арт-объекты и зумеров сейчас показались ему дешёвой, пластиковой бутафорией.

— Извини меня, — негромко произнёс он, и его голос прозвучал неожиданно хрипло. — Я вёл себя как абсолютный, эталонный идиот. Махал шашкой, пытался оптимизировать то, в чём даже не удосужился разобраться.

Маша удивлённо повернула к нему голову. Эльфийские ушки качнулись.

— Ты? Просишь прощения? Наглый Кирилл Гордеев умеет признавать ошибки?

— Ещё как, — Кирилл едва заметно улыбнулся, глядя в её огромные тёмные глаза. — Знаешь, почему я на самом деле ушёл из глянца, Маш? Из всех этих топовых журналов, где у меня был личный кабинет и гора контрактов? Потому что там всё фальшивое. Картинка ради картинки. Модели, которые не читают ничего, кроме меню детокс-баров; инвесторы, которых волнует только маржинальность рекламы французских трусов. Там не было людей. Там не было смыслов. Я пришёл в книжное издательство, потому что до ужаса захотел прикоснуться к чему-то настоящему, живому. К тому, что создаётся кровью и талантом. А в итоге... в первое же утро набросился на единственного человека в этой компании, который эти смыслы создаёт и бережёт. На тебя.

Маша замерла. Её дыхание стало частым, прерывистым. В полумраке кабинета, подсвеченном лишь одним вертикальным лучом фонарика, её лицо казалось невероятно бледным и трогательным. Вся её профессиональная броня, её бежевые доспехи и строгие таблицы тайм-менеджмента рассыпались в прах под этим бархатным плащом Дракулы.

— Кирилл... — едва слышно прошептала она.

— Я серьёзно, Маш, — Кирилл подался вперёд, сокращая оставшиеся между ними сантиметры. Он протянул руку и аккуратно, кончиками пальцев коснулся её щеки, заправляя выбившуюся тёмную прядь ей за ухо. Её кожа в месте прикосновения была невероятно нежной и горячей. — Прямо сейчас моя креативная система координат выдаёт тотальный сбой. Потому что я рефлексирую только об одном: у ведущего редактора Маши Воронцовой самые красивые и упрямые губы в этой Москве, особенно когда она не пытается уничтожить меня за неправильный выбор шрифта.

— Гордеев, мы на работе... — слабо, скорее по привычке попыталась возразить она, но её пальцы, запутавшиеся в рукавах серого свитера, судорожно вцепились в его предплечье.

— Мы заперты, связи нет, а регламенты холдинга сегодня официально обесточены, — прошептал он ей прямо в губы.

Когда его губы коснулись её губ, Кирилл окончательно забыл про дедлайны, презентации и утреннюю летучку. Этот поцелуй не имел ничего общего с быстрыми интрижками из

его прошлой светской жизни. Он был неторопливым, глубоким, аналоговым и до безумия настоящим. Он пах мятными леденцами, старыми книгами и шотландским виски Петра Аркадьевича.

Маша ответила на поцелуй с той же накопленной, сдерживаемой страстью, отпуская его плечо и зарываясь тонкими пальцами в его взъерошенные темные волосы. Черный бархатный плащ надежно скрывал их от темноты пустого офиса, а пушистые розовые ушки окончательно съехали на ковёр. В эту ночь в издательстве «Слово» два со-руководителя окончательно стерли границы своих личных территорий, перепиывая сюжет своих отношений с чистого листа.

Глава 10. Утренний саботаж

Декабрьское солнце безжалостно ворвалось в панорамные окна кабинета ровно в семь тридцать утра, заставив Машу зажмуриться от резкого света. Первые несколько секунд её аналитический мозг, обычно работающий со скоростью типографского станка, выдавал тотальную ошибку дезориентации. Она проснулась от того, что её левое плечо полностью затекло, а голова покоилась на чём-то невероятно мягком, теплом и размеренно вздыхающем.

Этим «чем-то» оказалась грудь Кирилла.

Они так и уснули на полу, укутанные в полы огромного бархатного плаща графа Дракулы. Розовые эльфийские ушки Маши сиротливо валялись неподалёку, уткнувшись в пустую коробку из-под пепперони. Кирилл всё ещё спал, его тёмные растрёпанные волосы падали на лоб, а на губах блуждала едва заметная, расслабленная и чертовски обаятельная улыбка. В утреннем свете без своей привычной наглой глянцевої ухмылки он выглядел непривычно уютным.

Маша замерла, боясь сделать даже вдох. Воспоминание о ночном поцелуе — глубоко, со вкусом мятных леденцов и шотландского виски — мгновенно отозвалось обжигающим жаром в её щеках.

«О боже, Воронцова, ты провела ночь под вампирским плащом со своим главным карьерным конкурентом прямо на

ковролине собственного кабинета», — внутренний перфекционист внутри неё забился в истерику, лихорадочно требуя составить план по ликвидации последствий и зачистке территории.

Внезапно в коридоре раздался тяжёлый, металлический скрежет и гул — это в здании наконец-то включилось основное электропитание. Магнитные замки на дверях ресепшена со звонким щелчком разблокировались. Послышались далёкие шаги первых сотрудников и стук шпилек.

Кирилл вздрогнул и открыл карие глаза. Секунду он дезориентированно смотрел на Машу, а затем его улыбка стала шире.

— Доброе утро, эльфийка, — прохрипел он со сна, его голос был непривычно низким. — Как спалось в замке вампира?

— Гордеев, подъём! — Маша в панике вскочила, сбрасывая плащ и лихорадочно поправляя свитер и джинсы. — Офис оживает! Если нас сейчас увидят в таком виде, сплетен в холдинге не обернуться до следующего сиквела Лукина! Быстро убирай бутылку Петра Аркадьевича!

Они едва успели привести кабинет в относительный порядок и сдать костюмы обратно на склад маркетинга. Маша добежала до дамской комнаты, умылась ледяной водой, наспех заколола волосы в привычный строгий пучок и накрасила губы помадой, пытаясь вернуть себе вид неприступного ведущего редактора. Когда она вернулась, Кирилл, умудрив-

шийся выглядеть стильно даже в слегка мятой после ночи рубашке, уже ждал её у входа в переговорную «Классика». На столе сияла заветная чёрная флешка, на которую Кирилл на рассвете успел скинуть их финальный макет «Классики для зумеров».

— Готова к триумфу, главный редактор? — подмигнул он.

— Всегда готова, — Маша глубоко вздохнула, чувствуя невероятный прилив сил.

В 8:50 в переговорную стремительно вошла Инга. Пиар-директор выглядела безупречно, но под её глазами залегли едва заметные тени — вчерашний триумф Маши перед блогерами явно не давал ей спать. Заметив Машу и Кирилла, стоявших подозрительно близко друг к другу у проектора, Инга хищно сузила глаза. Она сразу обратила внимание на помятый воротник Кирилла и излишне аккуратный пучок Маши. Её интуиция анаконды сработала мгновенно.

— Доброе утро, коллеги, — процедила Инга, присаживаясь за стол и с грохотом открывая свой ультрабук. — Надеюсь, вы подготовили хоть что-то стоящее после вчерашнего... перформанса в свитере. Пётр Аркадьевич и инвесторы холдинга будут через пять минут. Кирилл, ты выглядишь... утомлённым. Плохо спал?

— Спал как убитый, Ингочка. На свежем воздухе смыслов, — лучезарно соврал Кирилл.

— Даша, я отойду на секунду на ресепшен, заберу у Анечки распечатанные релизы, — Маша решила не тратить вре-

мя на пикировки. Она повернулась и вышла в коридор.

Её не было ровно три минуты. Но этих трёх минут Инге, оставшейся в переговорной под предлогом настройки климат-контроля, пока Кирилл отвлёкся на звонок от курьера, хватило с избытком.

Когда Маша вернулась, Пётр Аркадьевич уже входил в переговорную в сопровождении двух строгих мужчин в дорогих костюмах — представителей совета директоров «Медиа-Групп». Атмосфера в комнате мгновенно наэлектризовалась.

— Ну что, молодёжь, — Пётр Аркадьевич грузно опустил-ся во главе стола и открыл блокнот. — Показывайте, ради чего мы вошли в этот холдинг. Маша, Кирилл, включайте вашу презентацию Достоевского. Время — деньги.

Маша уверенно шагнула к ноутбуку, подключённому к главному экрану, и протянула руку к дубовой поверхности стола, чтобы взять их проект.

Её пальцы коснулись пустой, идеально отполированной древесины.

Маша нахмурилась. Она точно, до миллиметра помнила, что положила чёрную флешку прямо на свой планер перед тем, как выйти за релизами. Она быстро перевела взгляд на Кирилла — тот удивлённо развёл руками, обыскивая карманы пиджака. Под столом флешки не было. В её сумке — тоже.

Маша похолодела, чувствуя, как внутри всё сжимается от

первобытного ужаса. Она медленно повернула голову и посмотрела на Ингу. Пиар-директор с самым невинным, безмятежным видом пила воду из стакана, но в самой глубине её глаз полыхало откровенное, злорадное и торжествующее пламя. Настоящий саботаж.

— Ну, мы ждём, Мария, — поторопил генеральный директор, недовольно постукивая ручкой по столу. — Где ваш концепт? Инвесторы не будут ждать.

Проект всей её жизни, спасённая ночь, её репутация и кресло главного редактора повисли на волоске, который Инга только что аккуратно перерезала своими ухоженными ножницами.

Глава 11. Презентация без слайдов

Когда Маша Воронцова бледнеет, это выглядит страшно. Её идеальная фарфоровая кожа становится почти прозрачной, а тёмные глаза округляются так, словно она видит перед собой не пустой дубовый стол, а крушение всей Вселенной.

Кирилл мгновенно отсканировал её жест, замершие над планером пальцы и пустую полированную поверхность там, где ещё три минуты назад лежала их заветная чёрная флешка с финальным макетом. Под столом — пусто. В карманах — ничего. Кирилл перевёл взгляд на Ингу. Пиар-директор сидела с видом благочестивой монахини, изящно потягивая воду из стакана, но в глубине её сузившихся глаз плясали такие торжествующие черти, что проводить расследование не требовалось. Эта анаконда всё-таки выждала момент и нанесла свой шёлковый удар, украв их цифровую презентацию за секунды до начала летучки.

— Ну, мы ждём, Мария, — голос Петра Аркадьевича прозвучал сухо, с лёгким налётом раздражения. Два инвестора из «Медиа-Групп» синхронно посмотрели на свои дорогие швейцарские часы. — Где ваш концепт? Время — деньги. Холдинг не будет ждать, пока вы ищете файлы.

Маша открыла было рот, и Кирилл впервые услышал, как в её голосе, всегда безупречно твёрдом, задрожали опасные нотки паники.

«Ну уж нет, Воронцова, — подумал Кирилл, чувствуя, как внутри него просыпается тот самый азартный дух берсерка, который в глянце помогал ему спасти съёмки при полном крахе оборудования. — Мы эту ночь на ковролине провели не для того, чтобы Инга сожрала наш проект на завтрак».

— Пётр Аркадьевич, господа инвесторы, — Кирилл решительно шагнул вперёд, засучивая рукава своей рубашки и закрывая Машу спиной. На его губах расплылась самая наглая, уверенная и ослепительная улыбка из его арсенала. — Мы с Марией намеренно отказались от стандартных, скучных цифровых слайдов. Зачем смотреть на безликие пиксели на экране, когда мы презентуем живую, осязаемую философию для поколения, которое воспринимает мир через искренние эмоции? Мы покажем вам концепт в режиме реального времени. Маша, прошу, вскрывай бэкенд смыслов!

Маша посмотрела на него. Её взгляд на секунду пересёкся с его, и Кирилл увидел, как в её тёмных глазах испуг мгновенно сменился абсолютным, горячим доверием. Она сделала глубокий вдох, расправила плечи, и её голос зазвучал над замершей переговорной как идеально настроенный инструмент старой школы.

— Наш главный флагман года — «Преступление и наказание» Фёдора Михайловича Достоевского, — чётко, без единой запинки начала Маша, чеканя каждое слово наизусть, словно весь их ночной проект был записан у неё на подкорке.

— Но мы отказываемся продавать зумерам скучную школьную программу. Мы превращаем классический роман в первый в истории true-crime подкаст на бумаге.

Кирилл не терял ни секунды. Он подлетел к огромной маркерной доске, сорвал колпачок с чёрного маркера и начал стремительными, точными штрихами набрасывать эскиз новой обложки. Его пальцы двигались на чистом адреналине. Профессиональный дизайнер глянца внутри него выдавал абсолютный шедевр импровизации.

— Современная молодёжь обожает психологические триллеры и сериалы про реальных маньяков, — Маша уверенно шагала вдоль стола, и инвесторы холдинга ловили каждое её слово, затаив дыхание. — Мы не меняем текст классика. Мы меняем угол зрения. Мы вводим на полях книги комментарии ведущего судебного эксперта-криминалиста и профессионального профайлера!

Скрип-скрип, — маркер Кирилла летал по доске, создавая дерзкий, агрессивный, но невероятно стильный неоновый контур ночного Петербурга. Он рисовал Раскольниковца в глухом чёрном худи, ломая стереотипы, но сохраняя ту самую хичкоковскую нуарную атмосферу, которую они обсуждали с Лукиным.

— Профайлер разберёт психотип Родиона в момент планирования убийства, — без заминки продолжала Маша, и Кирилл тут же набрасывал на доске текстовые блоки, оформленные как всплывающие уведомления из мессенджеров,

уводя дизайн в плоскость современных гаджетов. — Криминалист объяснит ошибки с точки зрения улик. Мы даём читателю не пыльную классику, а интерактивное расследование на стыке литературы и криминологии! Влад, у которого два миллиона подписчиков, вчера на закрытом ужине в «Облаках» уже подтвердил, что этот концепт — гарантированный вирусный тренд для рунета!

Кирилл сделал последний, жирный штрих маркером, став эффектную точку внизу доски, развернулся и победно посмотрел на генерального.

В переговорной «Классика» повисла секундная, вакуумная тишина. А затем Пётр Аркадьевич медленно поднялся со своего кресла и с грохотом захлопнул свой блокнот. Кирилл краем глаза заметил, как Инга судорожно сжала свой стакан с водой, а её лицо приобрело зеленоватый оттенок шпинатного смузи.

И тут один из строгих инвесторов «Медиа-Групп» внезапно улыбнулся и начал громко, искренне аплодировать. К нему тут же присоединился второй. Пётр Аркадьевич расплылся в довольной, триумфальной улыбке старого издателя, который понял, что его компания только что сорвала главный куш года.

— Гениально! — воскликнул Пётр Аркадьевич, хлопая ладонью по столу. — Вот это я понимаю — презентация! Без этих ваших бездушных проекторов и флешек, на чистом мастерстве и харизме! Маша, Кирилл, вы просто превзошли

себя. Холдинг подпишет этот бюджет без единого вопроса!

Кирилл подошёл к Маше и незаметно для всех легонько сжал её ладонь за своей спиной. Её пальцы больше не дрожали — они были тёплыми, а на щеках горел победный, яркий румянец. Первый раунд их утренней битвы завершился абсолютным, сокрушительным нокаутом глянцевої импровизации над чиновничьим саботажем.

Глава 12. Разоблачение и новые переплёты

Ликование инвесторов всё ещё эхом отдавалось в стенах переговорной, когда Пётр Аркадьевич, сияя от гордости, повернулся к представителям холдинга.

— Господа, я думаю, этот концепт не оставляет сомнений, — веско произнёс генеральный директор. — С сегодняшнего дня Мария Воронцова официально утверждается на должность главного редактора художественной литературы издательства «Слово». А Кирилл Андреевич становится её полноправным партнёром по продвижению и визуальному стилю.

— Спасибо, Пётр Аркадьевич, — Маша с трудом сдерживала бурю эмоций, бушевавшую внутри. Мечта трёх лет, выстраданная овертаймами и бессонными ночами, наконец-то обрела статус официального приказа. Но её перфекционизм требовал довести это утро до идеального финала.

— Поздравляю, Машенька, это... так неожиданно, — выдавила из себя Инга. Её голос подозрительно дрожал, а шёлковая блузка винного цвета словно поблёкла. Пиар-директор лихорадочно закрывала свой ультрабук. — Но как же технический регламент холдинга? Разве по правилам «Медиа-Групп» мы не обязаны прикрепить электронный исходный файл презентации к итоговому отчёту? Без флешки

проект просто не согласует система автоматического контроля. Жаль, что вы её потеряли. Придётся всё переделывать...

Кирилл, всё ещё стоявший у маркерной доски, хитро прищурился. На его губах заиграла та самая наглая, но теперь уже невероятно родная Маше ухмылка. Он лениво бросил маркер на подставку и неторопливым, хищным шагом подошёл к Инге почти вплотную.

— О, насчёт цифровой копии отчёта можешь совершенно не переживать, Ингочка, — бархатно произнёс Кирилл, засунув руки в карманы брюк. — Наш проект уже на почте у Петра Аркадьевича и всего совета директоров. Я отправил резервную копию со своего ноутбука ещё в пять утра, когда мы с Машей заканчивали вёрстку бэкенда. А вот насчёт флешки... Кажется, она случайно выпала из твоего кармана, когда ты так увлечённо настраивала климат-контроль?

Кирилл изящным, чисто глянцевым жестом фокусника указал на пол прямо под стулом пиар-директора. Там, в тени полированной ножки стола, прямо у дорогой замшевой туфли Инги, ярким неоновым бликом сияла злополучная чёрная флешка. Она лежала именно там, куда Инга её незаметно сбросила, поняв, что её план тотального саботажа провалился.

Инга вспыхнула до корней волос. Её безупречное каре качнулось, а на лице отобразился такой дикий, первобытный ужас пойманного с поличным хищника, что Маша мысленно поставила в своём планере жирный восклицательный знак в

графе «С — справедливость».

Пётр Аркадьевич медленно перевёл взгляд с флешки на пунцовое лицо Инги. Его благообразная седина словно встала дыбом, а добрые глаза старого издателя превратились в два ледяных осколка.

— Инга Борисовна, — пугающе тихо и веско произнёс генеральный директор, поднимаясь со своего места. — Жду тебя у себя в кабинете через десять минут. С заявлением по собственному желанию. Без выходного пособия. Свободна.

Когда двери переговорной «Классика» закрылись за рыдающей пиар-анакондой и ушедшими инвесторами, в комнате наконец-то воцарилась тишина. Маша обессиленно опустилась на стул, чувствуя, как её ладони, спрятанные в рукава огромного серого свитера, наконец-то расслабляются.

Кирилл подошёл к ней сзади. Его сильные руки мягко опустились на её плечи, слегка сжимая их через плотную ткань вязки. От него пахло кофе, карамелью и тем самым ночным шотландским виски из заначки.

— Поздравляю, главный редактор Воронцова, — прошептал он ей прямо на ухо, и от его тёплого дыхания по её шее пробежали тысячи мурашек. — Справедливость восторжествовала. Совсем как на трёхсотой странице детективов Лукина.

— Спасибо, партнёр, — Маша повернула к нему голову и лучезарно улыбнулась, впервые не пытаясь мысленно разложить его действия по алфавиту. — Без твоего маркерного

перформанса я бы превратилась в леденец.

— Ну, за моё спасение тебе придётся заплатить, Воронцова, — Кирилл нагло вато, но безумно нежно улыбулся, и его пальцы аккуратно коснулись её щеки. — Свиданием сегодня вечером. И никаких серых свитеров. Текст текстом, но картинка сегодня требует продолжения.

Пятница, 21:00. Бар «Литературный оргазм».

Четыре бокала с клубничной «Маргаритой» снова со звоном встретились в центре стола под весёлый гул неоновых огней. Но на этот раз повод был исключительно триумфальным.

— За самого молодого, умного и красивого главреда в истории книгопечатного дела! — громче всех кричала Даша Ковалёва, привлекая внимание соседних столиков и яростно крутя на пальце свой свисток фитнес-тренера.

Маша, сияя в своём элегантном чёрном платье с открытыми плечами, сделала глоток коктейля и посмотрела на подруг. Слева сидела Аня Тихомирова, которая уже вовсю планировала праздничный торт с лавандовым кремом для Машиного отдела. А вот напротив устроилась Лера Мальцева, и её вид совершенно не вязался с общим праздничным настроением. Взрывная дизайнер украшений задумчиво крутила в руках телефон, и её зелёные глаза были полны трагизма.

— Так, Мальцева, колись, — Маша сразу раскусила подругу, её редакторский опыт помогал видеть людей насквозь. — Ты весь вечер вздыхаешь и начос даже не тронула. Что

случилось? Твоя эпоксидная смола объявила забастовку?

Лера сделала глубокий вдох, залпом уничтожила остатки своей «Маргариты» и со стуком поставила бокал на деревянный стол.

— Девочки, мне конец, — трагично, в полголоса произнесла она. — Вы же помните Кристину? Ну, мою школьную недомезиду, которая увела у меня парня в десятом классе и вечно хвасталась своим идеальным женихом-олигархом? Так вот, она выходит замуж в следующем месяце в загородном клубе «Vip-Resort». И сегодня утром она прислала мне приглашение с припиской: *«Ждём тебя и твоего потрясающего, состоятельного жениха-миллионера, о котором ты так много писала в своих соцсетях»*.

— И в чём проблема? — нахмурилась Даша. — Пойдёшь одна, утрёшь ей нос своей новой коллекцией браслетов. Ты же у нас независимый творец.

— В том, — Лера закрыла лицо руками и застонала, — что в порыве пьяной гордости на прошлых выходных, когда мы праздновали Машины блогерские успехи, я написала ей, что выхожу замуж за сурового, безупречного топ-менеджера IT-холдинга. И прикрепила фотку... фотку моего соседа-программиста Артёма, которую сделала тайком через дверной глазок, когда он в очередной раз ругался на меня из-за громкой музыки! А Кристина уже внесла нас в списки VIP-гостей ужина. Если я приду одна или мой обман вскрыется, я просто умру от позора прямо на её шёлковом ковре!

Маша, Даша и Аня синхронно переглянулись, и на их лицах медленно расплылись широкие, ироничные улыбки верных подруг.

Жених напрокат, или Музыка потише

Глава 1. Искусство тонуть изящно

Субботнее утро Леры Мальцевой началось не с ароматного латте и даже не с ленивых потягиваний под тёплым одеялом. Оно началось с липкого, ледящего душу ужаса, который ворвался в её сознание вместе с резким писком входящего уведомления в мессенджере.

Лера судорожно вынырнула из остатков сна, села на кровати и завернулась в пушистое одеяло, как в защитный кокон. Её округлившиеся от шока зелёные глаза уставились в экран смартфона. В общем чате Кристина — её личная школьная недомезида, портившая ей кровь с седьмого класса, — разразилась очередным восторженным постом, щедро пересыпанным смайликами с бриллиантами и павлинами:

«Девочки, ou май гад! Элитный клуб Vip-Resort загородного отеля забронирован полностью! Шелковые ковры, море французского шампанского рекой! Лерочка Мальцева, дорогая, я внесла твоего Артёма в списки гостей нашего закрытого предсвадебного ужина. Такой представительный мужчина на той фотографии, настоящий топ-менеджер, Кристиан Грей от мира IT! Нам всем не терпится познакомиться с твоим миллиардером! Чмоки!»

— О боже... — Лера издала глухой, полный отчаяния стон и плашмя упала лицом в подушку. — Зачем я столько пила в прошлую пятницу? Зачем Маша со своим триумфальным назначением на должность главреда подливала мне эту коварную «Маргариту»?

В порыве пьяной гордости и под воздействием текилы Лера решила во что бы то ни стало доказать Кристине, что её собственная жизнь — это не просто хаотичное создание серёжек из эпоксидной смолы и латуни в полусъёмной однушке на окраине Садового. Накануне Кристина битый час хвасталась своим будущим мужем-олигархом Вадимом, и Лера, не выдержав, заявила в общих соцсетях, что встречается с «гением, миллионером и филантропом из сферы высоких технологий».

В качестве неопровержимого доказательства она скинула Кристине фотографию своего соседа за стеной, которую сделала тайком через дверной глазок месяц назад. На фото Артём, одетый в глухой чёрный свитшот, со строгим, породистым лицом, идеальной линией челюсти и холодным взглядом серых глаз, недовольно смотрел прямо в кадр, собираясь в очередной раз высказать Лере всё, что он думает о её музыкальных вкусах. Кристина тогда вынесла моментальный вердикт: *«Вау, какой brutальный и опасный IT-босс»*.

Проблема заключалась в том, что «brутальный босс» Артём на самом деле был нелюдимым, замкнутым Senior-программистом. Он работал на удалёнке на крупный междуна-

родный холдинг, искренне ненавидел людей, Лерин ночной инди-рок и саму Леру. Для него она была ходячим системным сбоем, нарушающим его идеальный цифровой порядок.

«Надо пойти и во всём сознаться, — лихорадочно думала Лера, перебирая пальцами свои растрёпанные рыжие кудри. — Или сменить имя, удалить все аккаунты и уехать на ПМЖ в Торжок. Торжок — прекрасный город, Кристина туда точно не поедет...»

Размышления о спешной эвакуации в Тверскую область прервал странный, ритмичный звук, выбивающийся из привычного шума просыпающегося дома.

Кап. Кап. Кап.

Лера медленно подняла голову от подушки. Прямо с белоснежного потолка, в самом центре её уютной, оформленной в скандинавском стиле гостиной, весело и бодро бежала струйка грязной воды. Причём падала она с идеальной баллистической точностью аккуратно на большую картонную коробку, где лежали готовые, упакованные заказы авторских браслетов и кулонов, которые Лера должна была отправить клиентам почтой в понедельник.

— Нет-нет-нет! Только не моя новая коллекция! — Лера подскочила на кровати, мгновенно запуталась в длинном подоле одеяла, эпично и громко растянулась на ламинате, но тут же вскочила, проигнорировав ушибленное колено, и в последний момент выхватила коробку из-под водяного обстрела.

Сверху заливали по-взрослому. Судя по нарастающему гулу в перекрытиях, на верхнем этаже открылся полноценный филиал Ниагарского водопада. Телефоны управляющей компании, разумеется, выдавали лишь унылые длинные гудки — суббота же, девять утра, коммунальные боги отдыхают. А председателем чата подъезда, который знал коды от всех подсобных помещений, имел прямые выходы на дежурных сантехников района и контролировал каждый вентиль в доме, был... правильно. Хмурый и невыносимый айтишник за стеной.

Плюнув на остатки гордости и приличий, Лера выбежала в общий тамбур прямо как была: в весёлой фланелевой пижаме с принтом в виде зелёных авокадо, с растрёпанным пучком на голове, который удерживался на честном слове и одной заколке, и в огромных пушистых тапочках. Она подлетела к массивной стальной двери квартиры 42 и начала яростно, без перерыва колотить в неё обоими кулаками.

— Открывай, Гордеев! Компьютерный гений, спасай, мы тонем! — кричала она, прижимаясь ухом к холодному металлу.

Дверь со щелчком отворилась через бесконечные, мучительные тридцать секунд. На пороге появился Артём.

Лера на секунду зависла, позабыв, как дышать. В отличие от её пижамного хаоса, сосед выглядел так, будто прямо сейчас собирался на съёмки научно-популярного блокбастера на телеканале Discovery. На нём был плотный, глухой

чёрный гидрокостюм из неопрена, идеально облегающий его широкие плечи и рельефный торс, на запястье поблёскивали массивные спортивные часы-компьютер, а в левой руке он сжимал профессиональную маску для глубоководного дайвинга.

— Мальцева, — его голос прозвучал как шорох сухого гранита в ледяной пустыне. Он медленно, с глубоким, искренним утомлением опустил взгляд на её пушистые тапочки с авокадо. — Если ты прибежала в субботу в девять утра, чтобы сказать, что твоя беспроводная колонка сломалась и теперь способна играть твой инди-рок только на максимальной громкости, то учти: я вчера купил профессиональный перфоратор Makita. И я умею им пользоваться.

— Артём! Там! Топит! Какая колонка, мы уходим на дно! — Лера активно зажестичулировала в сторону своей распахнутой двери, из которой уже подозрительно пахло мокрой штукатуркой. — Ниагара в гостиной! Катастрофа! Сделай что-нибудь, ты же у нас главный по подъезду, повелитель сантехников и вентиляй!

Артём тяжело, шумно вздохнул, аккуратно положил маску для дайвинга на стильную консоль в прихожей и, даже не думая снимать гидрокостюм, решительным шагом направился в её квартиру. Лера послушно семенила следом, шлёпая пушистыми авокадо по паркету.

Оценив масштаб бедствия в гостиной, где по стене уже пузырились дорогие обои, Артём обошёл лужу, без малей-

ших колебаний прошёл в Лерину ванную, резко вытащил из-за фальш-панели скрытый пластиковый рычаг и с силой, до упора провернул его по часовой стрелке. Где-то в недрах стены жалобно зашипело, водяной гул притих, а струя с потолка в гостиной начала стремительно превращаться в редкие, унылые капли.

— Центральный стояк перекрыл. Сейчас оформлю заявку через закрытый пульт аварийщиков холдинга, верхних соседей они вскроют сами в течение получаса, — сухо и чётко отчеканил он, поворачиваясь к Лере и поправляя рукав гидрокостюма. — С тебя — генеральная уборка, сухая тряпка и абсолютная, гробовая тишина за стеной до конца текущего месяца. Протокол закрыт.

Он уже развернулся, собираясь покинуть её промокшую территорию, но Лера, глядя на его высокую, атлетичную фигуру в чёрном неопрене, вдруг поймала себя на безумной, но гениальной мысли. Перед ней стоял не просто сосед-зануда, который раздражал её своими графиками. Перед ней стоял её единственный, эксклюзивный билет на свадьбу Кристины. Человек, который умеет решать любые кризисы одним поворотом скрытого рычага.

— Артём, стой! — Лера рванула вперёд и буквально перегородила ему выход из коридора, раскинув руки в стороны. — Пожалуйста, не уходи. Мне нужна твоя помощь. Очень. Критическая ситуация системного уровня!

Артём остановился. Он медленно, оценивающе опустил

взгляд на её тонкие запястья, затем снова посмотрел ей прямо в глаза.

— Мальцева, я Senior-разработчик бэкенда. Я не занимаюсь изгнанием бесов из твоей аудиотехники, не чиню микроволновки силой мысли и категорически не собираюсь помогать тебе собирать воду с ламината. У меня через сорок минут тренировка в бассейне.

— Мне не надо собирать воду, — Лера судорожно сглотнула, зажмурилась и выдала на одном дыхании, боясь передумать: — Мне нужно, чтобы ты притворился моим состоятельным, безупречным, любящим женихом на одни выходные и поехал со мной на элитную свадьбу в загородный клуб «Vip-Resort».

Артём молчал так долго, что Лера приоткрыла один глаз. Сосед смотрел на неё с таким выражением лица, словно перед ним стоял программный код, который только что выдал фатальную, необъяснимую ошибку 404 с полным крушением базы данных.

— Ты бредишь на почве гидроудара в перекрытиях, Мальцева, — спокойно резюмировал он и сделал шаг, пытаясь обойти её справа.

— Я заплачу! — отчаянно крикнула Лера, хватая его за рукав гидрокостюма. — То есть... нет, денег у меня сейчас нет, вся смола ушла в оборот. Но я предлагаю сделку! Настоящую венчурную сделку, Артём! От которой твой прагматичный мозг просто не сможет отказаться.

Артём замер. Его серые глаза сузились, и в их холодной глубине впервые за всё утро замелькал слабый проблеск искреннего, сугубо инженерного интереса.

— Я слушаю, Мальцева. Но учти: за каждую секунду твоего последующего бреда я мысленно добавляю один децибел к шуму своего будущего перфоратора. Время пошло.

Глава 2.

Несанкционированный доступ

Суббота, 09:00. Время, созданное для идеальной компиляции мыслей, тишины и высокооктанового фильтр-кофе из зёрен эфиопской арабики. Артём Гордеев стоял у кухонного острова своей стерильно чистой, оформленной в стиле хайтек квартиры 42 и настраивал таймер на спортивных часах. На нём был плотный чёрный гидрокостюм из неопрена — через сорок минут в олимпийском бассейне намечалась тренировка по дайвингу, единственному занятию, где никто не присылал глупых правок в коде и не нарушал его личные границы на глубине пяти метров.

Мир Артёма подчинялся строгим математическим алгоритмам. Переменная *A* всегда вела к результату *B*. Код работал без сбоев, если бэкенд был написан без костылей. Единственным неисправимым багом во всей этой идеальной системе координат была квартира 41. А точнее — её владелица, Лера Мальцева.

Лера была ходячим хаосом, несанкционированным доступом в его личную зону комфорта. Её инди-рок, который она включала в два часа ночи под предлогом «муза пришла», перегружал аудиопроцессоры Артёма и снижал его личную продуктивность на двенадцать процентов. Её клиенты, путающие двери, регулярно пытались авторизоваться в его там-

буре, требуя показать «те самые серьги с лавандой». Артём уже трижды порывался написать официальный скрипт жалобы в управляющую компанию, но каждый раз, встречая её в коридоре с растрёпанными рыжими кудрями и глуповатой улыбкой творческого человека, он почему-то откладывал этот процесс.

И вот сейчас этот баг материализовался прямо у него под дверью.

Яростный, хаотичный стук в стальное полотно нарушил тишину квартиры 42 со скоростью DDoS-атаки. Артём со вздохом отложил маску, подошёл к дверям и открыл замок.

На пороге стояло стихийное бедствие. Во фланелевой пижаме с зелёными авокадо, с какими-то дикими кудрями, удерживаемыми одной пластиковой заколкой, и в пушистых тапочках невероятного объёма. Из её квартиры уже отчетливо пахло влажностью и катастрофой.

— Артём! Там! Топит! Ниагара в гостиной! — закричала она, размахивая руками.

Артём вздохнул. Протокол безопасности требовал немедленного вмешательства — как председатель чата подъезда, он не мог допустить порчи общедомового имущества. Он прошёл в её квартиру, за секунду оценил масштаб гидроудара в перекрытиях (верхние соседи из 45-й квартиры явно забыли простейшие правила эксплуатации сантехники) и привычным движением перекрыл центральный стояк в её ванной.

— С тебя — генеральная уборка, сухая тряпка и абсолютная, гробовая тишина за стеной до конца текущего месяца, — отчеканил он, собираясь вернуться к своему графику.

Но Мальцева не собиралась закрывать сессию. Она выскоčila вперёд, заблокировав выход из коридора, и раскинула руки. Её зелёные глаза блестели от паники, а дыхание было прерывистым.

— Мне нужно, чтобы ты притворился моим состоятельным, безупречным, любящим женихом на одни выходные и поехал со мной на элитную свадьбу в загородный клуб «Vir-Resort», — выдала она на одном дыхании.

Артём замер. Его мозг, привыкший обрабатывать терабайты данных, на секунду выдал критическую ошибку. *Женихом? Напрокат? В элитный клуб?* Мальцева явно перепутала его с актёром дешёвых мелодрам.

— Ты бредишь на почве гидроудара в перекрытиях, Мальцева, — спокойно резюмировал он, пытаясь обойти её. Код её предложения не имел логического смысла.

— Я заплачу! — крикнула она, вцепляясь пальцами в его неопреновый рукав. — То есть... нет, денег у меня сейчас нет. Но я предлагаю сделку! Настоящую венчурную сделку, Артём!

Артём остановился. Слово «сделка» активировало в его голове прагматичный аналитический модуль.

— Я слушаю. Но учти: за каждую секунду твоего последующего бреда я мысленно добавляю один децибел к шуму

своего будущего перфоратора. Время пошло.

Лера сделала глубокий вдох, смешно поправила заколку на затылке и выпалила свой главный козырь:

— Моя подземная парковка! Место номер 73, прямо у лифта. И два месяца идеальной, кладбищенской тишины за стеной. Я заберу свои колонки, уеду работать в мастерскую, а дома буду только спать и дышать через раз. Артём, мне просто нужно утереть нос одной шёлковой стерве из школы. Всего сорок восемь часов притворства. Тебя там будут кормить устрицами за счёт её жениха-олигарха!

Артём медленно перевёл взгляд на её потолок, где медленно подсыхали грязные капли, а затем снова посмотрел на Леру. Парковочное место 73. Самое дефицитное и стратегически удобное место в их подземном паркинге, которое Лера выиграла в какую-то нелепую лотерею застройщика три года назад и трусливо использовала для хранения пустых картонных коробок, потому что у неё не было машины. Артёму же приходилось каждый вечер парковать свой тяжёлый кроссовер на самом нижнем уровне и идти до лифта три минуты пешком.

Плюс два месяца абсолютной, гарантированной тишины. Никакого инди-рока в два часа ночи. Никаких криков её эксцентричных клиентов. Чистый, стерильный информационный вакуум для написания его нового международного бэккенд-стартапа.

С точки зрения венчурного анализа, маржинальность этой

сделки перекрывала любые репутационные риски. Сорок восемь часов имитации романтической привязанности в обмен на два месяца идеальных условий труда и премиальную парковку. Окупаемость проекта — сто процентов.

— Жди здесь, — сухо бросил он.

Он вышел в общий тамбур, вернулся в свою квартиру, быстро переоделся в серые домашние штаны, забросил гидрокостюм в сушилку и взял со стола открытый макбук. В его голове уже выстраивалась чёткая структура будущего договора. Раз уж Мальцева хочет поиграть в IT-директора, она получит полноценное техническое задание.

Он вернулся в квартиру 41, где Лера преданно ждала его, сжав кулаки.

— Проходи ко мне, — Артём кивнул в сторону своей двери. — Будем составлять ТЗ. Я не подписываюсь на проекты без чётких критериев приёмки и прописанных дедлайнов. Без документации код не пишется.

Глава 3. Техническое задание на любовь

Квартира Артёма встретила Леру такой стерильной чистотой, что ей мгновенно захотелось спрятать свои пушистые тапочки с авокадо за спину. Ни одной лишней вещи. Всё белое, серое, хромированное. Никаких эскизов на стенах, никаких рассыпанных бусин или баночек с эпоксидной смолой, как в её творческой берлоге. Здесь пахло дорогой техникой, операционной и свежесваренным фильтр-кофе. Настоящий цифровой монастырь.

Артём по-хозяйски устроился за массивным кухонным островом из серого кварца, развернул свой макбук экраном к Лере и начал с сухой, пугающей скоростью стучать длинными пальцами по клавиатуре.

— Присаживайся, Мальцева. В ногах правды нет, особенно когда на кону стоит место номер 73, — он даже не поднял на неё глаз. — Документ называется: *«Соглашение об оказании услуг по имитации романтической привязанности и сопутствующему пиар-сопровождению»*. Пункт первый: Предмет договора. Я, Гордеев Артём Андреевич, обязуюсь изображать твоего постоянного спутника на мероприятии «Свадьба Кристины» в течение сорока восьми часов. Как, ты говоришь, ты меня ей представила?

Лера скромно примостилась на самый край высокого бар-

ного стула, потянув подол пижамы вниз.

— Артём... Ну, то есть, Артемий. Я сказала, что ты Артемий Гордон. Управляющий партнёр крупного международного IT-фонда «Apex-Venture».

Артём на секунду перестал печатать. Его пальцы застыли над клавиатурой, а тяжёлый, ледяной взгляд серых глаз устремился прямо на Леру.

— Гордон? Серьёзно, Мальцева? Твой гуманитарный мозг не мог сгенерировать что-то менее претенциозное? Например, просто Иванов? Или Сидоров?

— Иванов не звучит премиально! — Лера упрямо вскинула подбородок. — Кристина повёрнута на лакшери-брендах, офшорах и статусе. Если я скажу, что мой парень Иванов, она решит, что ты устанавливаешь пиратскую винду в районной поликлинике. А так ты — строгий, молчаливый гений. Кстати, это пункт два: режим молчания. Чем меньше ты будешь говорить, тем сильнее они поверят. Просто делай лицо загадочного миллиардера, у которого в Гонконге падают акции.

— Отлично. Режим молчания — мой любимый режим работы, — Артём снова застучал по клавишам, уводя текст документа куда-то в плоскость сурового корпоративного права. — Пункт третий: Границы ответственности и тактильный протокол. Никаких спонтанных физических контактов без крайней необходимости, зафиксированной обеими сторонами. За каждый несанкционированный захват руки, объятие,

щипок или, упаси бог, попытку поцелуя на публике вводится система штрафных санкций.

— И какая же? — Лера подозрительно прищурилась.

— Один штраф равен одной неделе громкой музыки после одиннадцати вечера, которую я получаю право включить лично у тебя под дверь через профессиональную аудиосистему. С басами. Нарушишь протокол трижды — и до конца года ты будешь засыпать под немецкий индастриал-метал.

Лера сглотнула. Этот парень подошёл к вопросу фальшивых отношений с жестокостью средневекового инквизитора.

— Ладно, — проворчала она. — Но давай добавим пункты с моей стороны! Кристина — хитрая змея. Она начнёт копать. Нам нужны дополнительные забавные пункты для правдоподобности. Записывай, Гордон. Пункт 3.4: Вербальные маркеры привязанности. На людях ты не имеешь права называть меня «Мальцева» или «баг системы». Ты должен называть меня... «Лерочка», «моя муза» или, на худой конец, «малыш».

Артём поморщился так, словно только что выпил чашку протухшего молока:

— Исключено. Слово «малыш» противоречит моим личным синтаксическим протоколам. Заменяем на «Валерия» или «дорогая» в случае экстренной необходимости. Дальше.

— Пункт 3.5! — Леру уже было не остановить, творческий хаос требовал деталей. — Протокол «Влюблённый взгляд». Когда Кристина или её подружки смотрят на нас,

ты должен смотреть на меня не как на сломанный роутер, а с лёгкой, едва заметной поволокой. Как будто ты мысленно даришь мне акции Apple.

— Я могу смотреть на тебя как на удачно скомпилированный код без единой ошибки, — сухо отрезал Артём, вбивая строчки в макбук. — Это максимум моей мимической экспрессии. Пункт 3.6: Синхронизация легенды. Наше знакомство произошло на закрытом аукционе современного искусства в Лондоне, где я пытался выкупить редкий серверный массив, а ты случайно пролила на меня шампанское.

— Эй, почему опять пролила?! — возмутилась Лера, вспомнив Машины приключения с Кириллом. — Что за семейная карма у нас в девичнике? Давай лучше я спасла тебя от скуки, подарив тебе кольцо из латуни?

— Ложь должна быть реалистичной, Мальцева. В то, что ты способна что-то пролить, поверить гораздо легче. Итак, пункт четыре: Сроки и оплата. Наступление обязательств — следующая пятница, тринадцать ноль-ноль. Оплата по факту передачи электронного брелока от парковки номер 73 и подписания акта о взаимном ненападении.

Артём со стуком захлопнул крышку макбука и посмотрел на неё своим фирменным взглядом судьи верховного IT-суда.

— Я отправил тебе электронную форму договора на почту. Авторизуй подпись через СМС-код, — он поднялся, давая понять, что аудиенция окончена. — А теперь иди соби-

рай воду в своей гостиной. Артемию Гордону нужно работать. И помни: если из-за твоего потопа у меня сегодня полетит хотя бы один серверный тест, наша сделка аннулируется, а место номер 73 превратится для тебя в тыкву.

Лера сползла со стула, чувствуя, как внутри неё зарождается странное, щекочущее и жутко весёлое предвкушение. Артём Гордеев был невыносимым, сухим занудой, но когда он так уверенно командовал бэкендом их фальшивой любви... в этом было что-то гипнотическое. Аналоговое сердце Леры Мальцевой только что подписало контракт с цифровым дьяволом, и пути назад больше не было.

Глава 4. Совет директоров в «Литературном оргазме»

Пятничный вечер в баре «Литературный оргазм» начался с того, что Маша Воронцова выложила на стол свой новый кожаный планер и с ходу объявила заседание «комитета по спасению Леры» открытым. Маша, уже три недели официально занимавшая кресло главного редактора художественной литературы, выглядела как генерал перед решающим наступлением.

Рядом с ней, бесцеремонно приобняв её за талию, сидел Кирилл Гордеев. На креативном директоре сегодня были стильные тёмно-зелёные носки с принтом в виде маленьких книжных стопок, которые Маша, по слухам, лично купила ему в знак перемирия после «смузи-погрома».

— Итак, Мальцева, — Маша открыла чистую страницу и поправила строгие очки в тонкой оправе. — Показывай ТЗ. Я изучила структуру твоего договора с Артёмом, которую ты скинула в чат. Пункт про штрафы за поцелуи в виде индастриал-метала — это, конечно, юридический деспотизм. Но в целом бэкенд сделки рабочий. Теперь нам нужно заняться фронтендом. То есть визуалом твоего программиста.

— Ой, девочки, там спасти надо не только визуал, но и базовые настройки, — вздохнула Лера, уныло ковыряя трубочкой лёд в своей «Маргарите». — Он же на улицу выходит

только в худи с логотипом Linux или в неопреновом гидрокостюме. Если Кристина увидит его в этом шмоте, она решит, что я наняла сисадмина за банку энергетика.

— Спокойно, Мальцева, ты обратилась по адресу, — Кирилл вальяжно откинулся на спинку дивана и подмигнуть Лере, параллельно попытавшись стащить с Машиной тарелки чесночную гренку.

Маша тут же, не глядя, шлёпнула его по руке кончиком своей дорогой перьевой ручки.

— Гордеев, не перебивай докладчика. И оставь в покое мои гренки, твой детокс-салат на той стороне стола.

— Воронцова, ты невыносима, — Кирилл притворно вздохнул, но в его карих глазах плясали исключительно влюблённые чертики. — Ты включаешь режим строгого главреда даже во внерабочее время. Между прочим, этот детокс-салат пахнет тоской, а твоя гренка — настоящими аналоговыми смыслами. Ладно, к делу. Лерка, твой айтишник — Senior? Значит, фактура там есть. У всех высокооплачиваемых разработчиков под растянутыми худи обычно скрывается либо пивной живот от фастфуда, либо рельеф от дайвинга и скалолазания. Раз твой ныряет — плечи там на месте. Я уже позвонил своему знакомому стилисту, у него закрытый шоурум на Патриарших. Завтра в одиннадцать нас там ждут. Сделаем из твоего сухаря Кристиана Грея от мира бэкенда.

— Главное, чтобы этот Кристиан Грей не начал объяс-

нять инвесторам устройство процессора во время свадебного ужина, — строго заметила Маша, вбивая что-то в свой планер. — Кирилл, ты проконтролируешь, чтобы стилист подобрал костюм по классическим лекалам? Никакого твоего любимого оверсайза и неоновых худи. Нам нужен статус, а не показ альтернативной моды.

— Машенька, радость моя, — Кирилл придвинулся к ней ещё ближе, обжигая её ухо тёплым дыханием. — Мой оверсайз, между прочим, три недели назад спас нашу презентацию у генерального. И кое-кто после этого всю ночь уверял меня под плащом Дракулы, что у меня безупречный вкус. Или ты уже забыла?

Маша мгновенно залилась густым, ярким румянцем, который дошёл до самых мочек ушей. Она судорожно нырнула в карман, извлекла мятный леденец и со свистом отправила его в рот, мысленно начиная раскладывать Кирилла по алфавиту: *«Н — наглец, О — оболтус, П — провокатор...»*

— Гордеев, мы обсуждаем Леру, — процедила она сквозь мятный туман. — Твои романтические девиации не входят в повестку дня.

— Оу, как у вас всё горячо, — прыснула Даша Ковалёва, примчавшаяся с тренировки. — Воронцова, не души парня. Гордеев, респект за шоурум. Лерка, если твой программист начнёт ворчать из-за обуви без носков, скажи, что я применю к нему силовые методы кроссфита. Аня вон вообще обещала испечь вам в дорогу коробку печенья с предсказаниями, так

что тыл у вас прикрыт.

Аня Тихомирова нежно улыбнулась и кивнула, поправляя капроновую ленту на своей кондитерской коробке:

— Да, Лер. Я уже прописала в предсказаниях только удачные раунды и стабильный сервер для твоего Артёма. Всё будет хорошо.

Лера посмотрела на подруг, на пикирующихся, но абсолютно счастливых Машу с Кириллом, и внутри у неё наконец-то отпустило глухое чувство паники. Её общая группа поддержки работала без сбоев. Завтра её суровому IT-соседу предстояло лобовое столкновение с миром высокой моды Патриарших прудов, и Лера Мальцева была готова лично координировать этот системный апгрейд.

Глава 5. Оптимизация гардероба и системный сбой

Суббота, 11:05. Локация: закрытый шоурум на Патриарших прудах. С точки зрения Артёма, это пространство было запредельно нефункциональным. Вместо чёткого зонирования и понятных каталогов — приглушённый инстаграмный свет, пафосные зеркала в золочёных рамах, запах дорогого селективного парфюма и рейлы с одеждой, чья стоимость нарушала все законы здравого смысла.

— Мальцева, я заявляю официальный протест, — Артём стоял посреди этого храма гламура, скрестив руки на груди. На нём были его любимые серые штаны и издававшее виды чёрное худи с логотипом Linux. — Эти брюки на вешалке стоят как три моих монитора с 4К-разрешением. И почему на них нет карманов для двух телефонов и повербанка? Это нефункционально. Это баг кроя.

— Артём, умоляю, выключи режим инженера бэкенда хотя бы на два часа! — Лера умоляюще сложила руки на груди, её рыжие кудри забавно растрепались. — Мы создаём образ Артемия Гордона. Артемию Гордону не нужен повербанк, у него есть личный водитель с повербанком! Даша, скажи ему.

Даша Ковалёва, прибывшая в качестве сурового фитнес-контроля, критически осмотрела его фигуру.

— Гордон, расслабь булки. Плечи отличные, осанка ком-

пьютерная, но поправимая. Девушка! — крикнула она стилисту, который с ужасом разглядывал Артёмово худы. — Несите синий структурированный пиджак и брюки чинос итальянского кроя. И белую рубашку из плотного хлопка. Живо!

Но стилист от Кирилла, парень по имени Жан-почти-Батист, решил сначала проявить «креативное видение холдинга». С витиеватым вздохом он занёс в примерочную первый вариант.

Через три минуты шторка раздвинулась. Артём вышел к девушкам с каменным выражением лица. На нём были ультрамодные безразмерные брюки-кюлоты кислотно-зелёного цвета со странными завязками на щиколотках и пиджак-оверсайз со спущенными плечами, в котором он напоминал огромного выцветшего кузнечика.

— Ну и? — Артём хмуро посмотрел на свои завязки. — Стилистический протокол нарушен. В этом я похож на аниматора детских праздников, у которого украли реквизит.

Лера и Даша секунду молча смотрели на него, а затем шоурум содрогнулся от их дружного, оглушительного хохота. Лера со смеху едва не свалилась с бархатного пуфика, а Даша ухала так громко, что стилист испуганно спрятался за стойку с галстуками.

— Ладно, ладно, убираем креатив холдинга! — отсмеявшись, выдавила Лера, вытирая слезы. — Давайте классический бэкенд!

Следующие сорок минут превратились для Артёма в персональный ад из примерок. Но когда шторка раздвинулась в финальный раз, хохот мгновенно смолк. В шоуруме повисла вакуумная тишина.

Итальянский крой сотворил чудо. Тёмно-синий структурированный костюм сел на Артёма как влитой, безупречно подчёркивая разворот его широких плеч, атлетичную грудь и узкие бёдра. Белая хлопковая рубашка была расстёгнута на две верхние пуговицы, открывая чёткие ключицы, а вместо пафосных лаковых туфель Даша заставила его обуть белоснежные минималистичные кожаные кеды. Артём стоял перед зеркалом, засунув руки в карманы брюк, и выглядел настолько дорого и порочно-привлекательно, что Лера Мальцева внезапно забыла, как дышать. Её трубочка застыла в стакане с водой.

— Ну как? — Артём недовольно повёл плечами, изучая своё отражение. — Ткань слишком лёгкая. И обувь без носков — это какое-то нарушение базовых протоколов гигиены.

— Мальцева, — Даша тихо, но веско толкнула Леру локтем в бок. — Если ты его не заберёшь себе после этой свадьбы, я сама запишусь к нему на курсы программирования. Этот твой сосед — просто ходячий запретный плод.

— Согласно пункту 2.4 нашего договора, флирт в радиусе шоурума карается штрафными санкциями, — Артём заметил их перешёптывания и сурово посмотрел на Леру через зеркало. Правда, его датчик пульса на часах впервые за день

выдал лёгкое ускорение — до 85 ударов.

— Ладно, берём! — Лера поспешно отвернулась, её щеки предательски залило румянцем. — Теперь моя очередь. Даш, принеси то зелёное платье. Я быстро.

Пока Лера переодевалась в глубине шоурума, Артём остался ждать её на кожаном диванчике, лениво листая код своего стартапа в телефоне. Даша отошла ответить на рабочий звонок. В зале играл тихий, ненавязчивый лаунж.

Шорох шёлка заставил его поднять голову.

Из-за тяжёлой бархатной ширмы вышла Лера. И в эту самую секунду Артём Гордеев понял, что его идеально отлаженная, цифровая и логичная система координат только что испытала фатальный, необратимый системный сбой. Его спортивные часы испуганно и громко пискнули на весь зал, зафиксировав резкий скачок пульса до ста двадцати ударов в минуту.

На ней было шёлковое платье цвета глубокого, благородного изумруда. Оно мягко, плавно облегалo её фигуру, струясь до самого пола. Шёлк открывал изящную, длинную линию шеи, хрупкие ключицы и татуировку в виде созвездия на лопатке. Её обычно хаотичные рыжие кудри были небрежно, но чертовски элегантно заколоты вверх, а в ушах поблескивали длинные серьги её собственного дизайна.

Она выглядела... нежной. Потрясающе красивой. Совершенно не похожей на ту сумасбродную девчонку в пижаме с авокадо, которая затапливала его гостиную и крутила ин-

ди-рок по ночам.

Артём медленно, словно в замедленной съёмке, поднялся с дивана. В своём новом дорогом синем костюме он сейчас выглядел пугающе уверенно и властно. Он сделал несколько шагов, останавливаясь перед ней почти вплотную. Лера уловила тонкий аромат его парфюма — древесный, с нотками горького бергамота.

— Ну... как? — Лера робко поправила подол платья, внезапно занервничав под его тяжёлым, потемневшим и абсолютно нечитаемым взглядом серых глаз. — Кристина не умрёт от смеха?

Артём молчал, глядя на её открытые плечи. Его кадык судорожно дрогнул. Код его мыслей сейчас напоминал сплошной поток нецензурных выражений.

— Кристина не умрёт, — тихо, но как-то слишком хрипло произнёс он, глядя ей прямо в глаза. — Но у меня есть экстренное встречное предложение к нашему ТЗ, Мальцева.

— Какое? — едва слышно выдохнула Лера, чувствуя, как её сердце начинает отбивать чечётку.

— Пункт о штрафах за тактильные прикосновения, — Артём плавно опустил взгляд на её ключицы. — Нам придётся его временно заморозить на сорок восемь часов. Иначе на этой свадьбе никто в зале не поверит, что я действительно согласен на тебе жениться. А я не люблю выполнять свою работу некачественно.

Лера сглотнула, глядя на его идеальную линию губ. Эта

поездка в загородный клуб обещала стать куда более опасной для её бэкенда, чем она предполагала в самом начале.

Глава 6. Загородный глянец и тест на прочность

Элитный загородный клуб «Vip-Resort» встретил их пафосным шуршанием гравия под колёсами такси, идеально подстриженными газонами и вековым сосновым бором, который, казалось, тоже выровняли по строительной линейке. В воздухе витал запах больших денег, хвои и дорогого парфюма.

Лера вышла из машины, чувствуя себя шпионом, заброшенным в глубокий тыл гламурного врага. Изумрудный шёлк платья приятно охлаждал кожу, но колени под подолом предательски дрожали. Артём, шедший следом, выглядел на удивление невозмутимо, словно всю жизнь только и делал, что посещал закрытые загородные резиденции. Синий итальянский костюм сидел на нём безупречно, подчёркивая разворот широких плеч, а лёгкая небрежность в виде расстёгнутых пуговиц рубашки добавляла ему того самого лоска «старых денег», о котором Маша с Кириллом писали в своих модных издательских концептах.

— Мальцева, дыши, — не разжимая губ, тихо, но жёстко скомандовал Артём, плавно подставляя ей свой локоть. — Твой пульс, судя по тому, как судорожно ты вцепилась в мою руку, уже перевалил за сто сорок ударов. Расслабься. Это просто код, в котором нужно обойти пару очевидных ба-

гов.

— Этот баг носит бриллианты в три карата и имеет чёрный пояс по токсичным комментариям, — прошептала Лера, покорно принимая его под руку. Контакт с его твёрдым, тёплым плечом неожиданно подействовал как заземление. Внутренняя паника начала понемногу отступать.

Кристина появилась на террасе ресторана под звон бокалов с шампанским, и её появление сразу же ознаменовалось грандиозным локальным кризисом. Она распекала несчастного менеджера отеля с таким лицом, словно тот лично поджёг её шёлковый фатин.

— Это абсолютно чип! Провинциальный кошмар! — капризно взвизгнула Кристина, заламывая руки с идеальным французским маникюром. — Вадим, скажи ему! Я же чётко прописала в чек-листе: лепестки роз в нашей свадебной вилле должны быть оттенка «пудровая роза», а не «безумная фуксия»! Эта фуксия полностью разрушает моё ментальное поле и блокирует чакру изобилия! И почему лебеди из полотенец скручены хвостами налево, а не направо?! Это же нарушает фэншуй нашей семейной токеномики!

Несчастный Вадим — плотный, упитанный мужчина лет тридцати пяти в пафосном, чересчур облегающем пиджаке, чей вид кричал о наличии больших денег и полном отсутствии вкуса, — лишь покорно вздыхал и совал менеджеру стодолларовую купюру, пытаясь замять «лебединый» скандал.

Заметив Леру и Артёма, Кристина мгновенно сменила гнев на милость. Её лицо разгладилось, приняв выражение приторно-сладкого превосходства, и она фальшиво раскинула руки для объятий, едва коснувшись Лериной щеки.

— Лерочка! Дорогая! — пропела она, её оценивающий взгляд мгновенно, как сканер на кассе, прошёлся по Лериному платью, серьгам и, наконец, намертво застыл на Артёме.

На секунду в глазах Кристины промелькнула тень такой глубокой, искренней досады, что Лера едва не захлопала в ладоши от восторга. Айтишник за стеной в дорогом синем костюме выглядел слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— Как я рада, что ты всё-таки доехала! А мы уж думали, твой... скромный график крафтовых поделок не позволит тебе выбраться в приличное место, — Кристина сладко заглянула Артёму в глаза. — Это и есть твой... загадочный IT-босс?

— Познакомьтесь, — Лера лучезарно улыбнулась, стараясь, чтобы голос звучал максимально естественно. — Это мой Артемий. Артемий Гордон. Управляющий партнёр фонда «Apex-Venture».

— Очень приятно, — Вадим шагнул вперёд и протянул Артёму руку, крепко сжав её в чисто мужском жесте проверки статуса.

Артём ответил столь же жёстким, уверенным, почти титановым рукопожатием, даже не дрогнув лицом.

— Гордон? Рад знакомству, — Вадим уважительно при-

поднял брови. — Слышал о ваших сделках. Вы ведь недавно закрыли крупный венчурный раунд для медицинского стартапа в Сколково?

Лера мгновенно похолодела, её сердце ухнуло в кроссовки... точнее, в шёлковые туфли. *«Всё, — подумала она в панике. — Протокол взломан. Сейчас он скажет, что Сколково — это не его сектор бэкенда, и нас с позором выкинут с этого лакшери-праздника»*. Она судорожно нащупала в сумочке мятный леденец, который Маша оставила ей «на удачу».

Но Артём лишь слегка приподнял бровь, и на его породистом лице появилось выражение такой глубокой, профессиональной и сытой скуки, какая бывает только у людей, оперирующих миллиардами в твёрдой валюте.

— Этот раунд мы закрыли и полностью захеджировали ещё в прошлом квартале, Вадим, — спокойно, с лёгким налётом высокомерия ответил Артём, идеально копируя тон Кирилла с летучек. — Сейчас наш фонд больше интересуют сквозные нейросети в логистике терминалов. Медицина на российском рынке пока слишком переоценена с точки зрения венчурного анализа. Слишком высокий показатель отказов на ранних стадиях MVP и долгий выход на окупаемость.

Вадим уважительно, истово закивал, а Кристина подозрительно прищурилась, недовольно крутя свой огромный бриллиант:

— Надо же, Артемий, вы такой строгий, такой структур-

ный! А Лера у нас всегда была... хаотичной, воздушной, вечно витала в облаках и путала геометрию с рисованием. Помню, в школе её чертежи всегда были залиты чаем. Как же вы сошлись? У вас же совершенно разная токеномика смыслов!

Лера открыла было рот, чтобы выдать заранее заученную Машину легенду про выставку современного искусства в Лондоне, но Артём опередил её.

Он плавно, уверенно скользнул рукой по её талии, притягивая Леру ближе к себе. Его тёплая, сильная ладонь легла на открытую кожу её спины, прямо на изумрудный шёлк, и по Лериному позвоночнику пробежал самый настоящий, мощный аналоговый разряд статического электричества.

— Противоположности притягиваются, Кристина, — тихо, но чертовски бархатно и хрипло произнёс Артём, глядя на Леру с такой неприкрытой, собственнической нежностью, что у самой Леры подкосились ноги. — В моей жизни слишком много сухих цифр, графиков и жёстких программных алгоритмов. Лера — мой личный, прекрасный хаос, который заставляет эту сложную систему работать. Без её музыки и её яркого взгляда на мир я бы давно превратился в бездушного робота.

Кристина откровенно и громко скрипнула зубами. Её чакра изобилия только что получила сокрушительный удар. Вадим же, совершенно покорённый экспертным тоном Артёма, восхищённо хлопнул его по синему пиджаку:

— Красиво сказал, Гордон! Настоящий мужской подход!

Слушай, Тём, мы тут с парнями после ужина собираемся в сигарной комнате на нижнем уровне. Мой кипрский партнёр как раз ищет инвестора под один очень крупный блокчейн-проект. Глянешь их техническую документацию? Твоё экспертное мнение было бы просто на вес золота!

Артём бросил быстрый, мимолётный взгляд на Леру. В самой глубине его холодных серых глаз плясали весёлые, азартные и абсолютно не ИТ-шные чертики. Системный программист Гордеев только что успешно провёл первичную авторизацию в светском обществе, но впереди была сигарная комната, где его ждал настоящий, суровый тест-драйв на прочность.

— С удовольствием, Вадим, — кивнул Артём, чуть сильнее сжимая ладонь на Лериной талии. — Давайте посмотрим, что там за блокчейн на Кипре. Главное, чтобы их код писали не дилетанты, а то воздух нынче дорого стоит.

Глава 7. Тест Тьюринга в сигарной комнате

Сигарная комната на нижнем уровне клуба «Vip-Resort» была спроектирована по всем канонам пафосного консерватизма: стены из тёмного морёного дуба, тяжёлые кожаные кресла цвета дорогого коньяка, приглушённый свет и плотная, сизая дымка от кубинского табака. С точки зрения вентиляционных стандартов, помещение функционировало на пределе возможностей, но собравшихся здесь мужчин с золотыми часами на запястьях законы термодинамики явно волновали меньше всего.

Артём сидел в глубоком кресле, закинув ногу на ногу. Сильный итальянский костюм сел идеально, но отсутствие носков под белоснежными кедами по-прежнему вызывало у него лёгкое раздражение.

В его кармане коротко завибрировал телефон. Артём незаметно извлёк смартфон, проверяя мессенджер. В общем чате, где Маша и Кирилл выступали в роли удалённых кураторов, висело новое сообщение.

Кирилл: *«Гордон, приём! Как проходит авторизация в стае? Слушай сюда: если они начнут хвастаться часами или яхтами, не вздумай называть точные цифры. Реальные миллиардеры смотрят на мир с глубокой экзистенциальной тоской. Сделай лицо человека, который только что поте-*

рлял миллион долларов на бирже и даже не заметил этого. И главное — прикуривай сигару с таким видом, будто это свиток с древними письменами, а не сушёная трава. Маша тут рядом крутит пальцем у виска и велит тебе не слушать мои "глянцевые девиации", но поверь моему опыту: понт — это половина бэкенда в бизнесе!»

Артём едва заметно усмехнулся, заблокировал экран и убрал телефон. Подсказки Кирилла были избыточными — Артём предпочитал действовать с помощью сухой, железобетонной логики.

Вадим — будущий муж Кристины — с кряхтением опустился в соседнее кресло, выдохнув плотное облако дыма, и со стуком водрузил на низкий кофейный столик открытый ноутбук. На экране сияла пафосная презентация с золотыми градиентами.

— Ну что, Артемий, глянь свежим глазом, — Вадим вальяжно откинулся на спинку. — Мои кипрские партнёры предлагают зайти в проект. Блокчейн-платформа нового поколения для логистики строительных материалов. Хотят три миллиона евро за раунд. Говорят, у них уникальный алгоритм консенсуса, децентрализация, смарт-контракты... Мужики из Питера уже готовы вливать кэш, но я решил: пусть авторитетный человек посмотрит.

Три пухлых инвестора за столом синхронно повернули головы к Артёму, ожидая вердикта.

Артём лениво придвинул к себе ноутбук. Его пальцы при-

вычно легли на тачпад. Он пролистал первые три слайда, заполненные бессмысленными маркетинговыми лозунгами про «экосистему будущего» и «синергию токенов». На пятом слайде наконец-то обнаружилась схема архитектуры сети и кусок открытого кода их смарт-контракта.

Внутри Артёма включился режим Senior-разработчика бэкенда. На его лице появилось выражение глубокого, почти садистского удовлетворения, которое возникает у хорошего инженера, когда он видит чужой корявый код.

— Вадим, если ты или твои партнёры вложите сюда хотя бы один цент, я лично аннулирую ваши дипломы о высшем образовании, если они у вас есть, — спокойно, без единой эмоции в голосе произнёс Артём.

В сигарной комнате повисла оглушительная тишина. Один из питерских инвесторов поперхнулся дымом и закашлялся.

— В смысле? — моргнул Вадим, бледнея на глазах. — Но они уверяли, что это революция... Протокол Proof-of-Stake...

— Твои кипрские партнёры продают тебе воздух в красивой обёртке. Посмотри на архитектуру функции перевода средств на пятом слайде. Они используют устаревшую библиотеку с критической уязвимостью класса *Reentrancy*. Любой студент-первокурсник IT-факультета напишет эксплойт за четыре минуты, вызовет рекурсивный вызов метода до обновления баланса и выведет все ваши три миллиона евро

на анонимный кошелёк в сети Tornado Cash. Это не блокчейн-платформа, Вадим. Это дуршлаг. У них даже MVP не протестирован в тестовой сети Goerli, а токеномика рассчитана по принципу классической пирамиды Понци. Проект — стопроцентный скам.

Инвесторы за столом испуганно переглянулись. Вадим судорожно сглотнул, глядя на экран ноутбука так, словно тот сейчас взорвётся.

— С-скам? — пробормотал он. — Но у них же офис в Лимасоле...

— В Лимасоле отличный пляж, но бэкенд у этих ребят отсутствует как класс, — Артём захлопнул крышку макбука с сухим, победным щелчком. — Они использовали набор хайповых слов, чтобы развести тебя на кэш. Если вам действительно нужна автоматизация логистики, я могу скинуть контакты команды из Бауманки. Они пишут нормальный софт на C++, у них работающий продукт и понятная архитектура данных. Там хотя бы есть что проверять на аудите.

Вадим смотрел на Артёма с таким благоговением, словно перед ним сидел лично Сатоши Накамото, спустившийся с небес ради спасения его банковского счёта.

— Гордон... Артемий... Чёрт, да ты нас просто спас! — Вадим вскочил с кресла и с силой потряс руку Артёма. — Мужики, слышали? Сделка отменяется! Тёма, дорогой, с меня причитается! Пойдём на улицу, надо освежиться. Я обязан познакомить тебя со своим главным партнёром по логи-

стике!

Артём плавно поднялся, поправляя пиджак. В его голове тикал внутренний таймер сделки с Мальцевой. Первый раунд «Теста Тьюринга» был пройден с разгромным счётом, но его мысли внезапно унеслись совершенно в другую сторону.

Он поймал себя на том, что вместо архитектуры смарт-контрактов думает о шёлковом изумрудном платье Леры, которое осталось наверху. О том, как пахнут её рыжие кудри, и о том, как её тонкая талия ощущалась под его ладонью всего полчаса назад. В его безупречном программном коде зрел новый, абсолютно не поддающийся логике алгоритм, и Артём Гордеев впервые в жизни не хотел искать в нём баги.

Глава 8. Девичник у бассейна под кураторством Маши

Вечерний прохладный ветерок лениво шевелил подол Лериного изумрудного шёлкового платья, но внутри у неё всё полыхало, как в доменной печи. Кристина со своим верным «десантом» из трёх бывших одноклассниц устроила ей настоящую засаду в плетёной ротонде у подсвеченного бирюзового бассейна.

Лера сидела в глубоком плетёном кресле, судорожно сжимая под столом телефон. Её единственный канал связи с внешним миром — чат «Девичник в большом городе» — разрывался от сообщений.

— Лерочка, милая, — Кристина изящно пригубила свой коктейль, её глаза хищно блеснули в неоновом свете уличных фонарей. Она окинула Леру приторным взглядом и вонзила первую подготовленную шпильку: — Твой Артемий, конечно, визуал уровня люкс. Настоящий Кристиан Грей от мира IT. Но, честно говоря, как вы сосуществуете? Мужчины такого масштаба, ворочающий венчурными миллиардами холдингов... и твои крафтовые поделки из латуни и эпоксидной смолы? Это ведь так мило, но... боже мой, совершенно несерьёзно! Это же чистый хэндмейд для привокзальных ярмарок. Вадим говорит, что в высшем свете женщины должны вдохновлять, а не пачкать пальцы клеем в съёмных однуш-

ках. Он вот покупает мне двухэтажный пентхаус на Остоженке, чтобы я просто цвела. А где планирует жить ваш фонд?

Её подружки синхронно и фальшиво закивали. Лерины пальцы бешено забарабанили по экрану смартфона под скалтертью:

Лера: *«ДЕВОЧКИ!!! Меня прижали к канатам! Кристина назвала мои украшения привокзальным хэндмейдом, спросила про средний чек фонда и хвастается пентхаусом на Остоженке! Что отвечать?! Срочно нужен бэкенд!»*

Ответ от Маши прилетел через рекордные семь секунд. Главред Воронцова включила режим энциклопедии, а Кирилл явно надиктовывал ей тезисы.

Маша: *«Не паникуй! Твоё творчество — это концептуальный ювелирный арт, а не подделки! Скажи Кристине: наш фонд работает исключительно в сегменте поздних стадий (Late Stage) и раундов А и В. Средний чек — от пяти до пятнадцати миллионов долларов. Про Остоженку скажи, что Артемий считает пафосный бетон в центре Москвы прошлым веком. Настоящая элита сейчас инвестирует в экологичный загородный минимализм и систему автономного умного дома. Это тренд ультра-богатых людей, а не новостроек для нуворишей!»*

Лера мысленно вознесла молитву Маше, незаметно закинула в рот мятный леденец, который та контрабандой засунула ей в сумочку перед отъездом, и уверенно подняла голову, расправив плечи.

— О, Кристин, Артемий очень консервативен в вопросах инвестиций, — она небрежно, с лёгким налётом светской скуки откинула рыжий локон назад. — Наш фонд не размещается на мелкие стартапы. Мы заходим только в раунды А и В, когда у компании уже есть чёткая операционная выручка. Меньше десяти-пятнадцати миллионов долларов за одну сделку Артемий даже не рассматривает. А насчёт жилья и Остоженки... Знаешь, все эти пентхаусы в центре загазованной Москвы — такой прошлый век. Столько шума, пыли, никакой приватности. Артемий категорически настаивает на экологичном загородном минимализме и полной автономии системы «Умный дом». Экология, тишина и скрытая от чужих глаз архитектура — вот что сейчас считается истинной роскошью среди людей его круга. А мои украшения, кстати, Артемий считает чистым концептуальным искусством и собирается спонсировать мою личную галерею на Патриарших. Ему нравится, что я создаю смыслы, а не просто трачу его бюджеты.

Одноклассницы Кристины синхронно и уважительно вздохнули, переглянувшись. Сама невеста заметно скрисла, её безупречный калифорнийский загар словно поблёк на пару тонов под неоновыми лампами.

И в этот самый момент, когда Кристина собиралась открыть рот для новой порции яда, на террасу у бассейна стремительно вошли мужчины. Вадим шёл рядом с Артёмом с таким благоговейным, преданным лицом, словно айтишник

за стеной только что лично переписал для него законы вселенной.

Артём в своём тёмно-синем итальянском костюме выглядел пугающе уверенно. Он обошёл ротонду, подошёл к Лере сзади и на глазах у замершего девичьего десанта аккуратно, невероятно бережно набросил на её открытые плечи свой пиджак. Пиджак был тёплым, пах его фирменным горьким бергамотом и дорогим табаком сигарной комнаты.

А затем Артём наклонился и плавно, мягко коснулся губами её виска. По нежной коже пробежали тысячи мурашек, совершенно не связанных с прохладой сочинского вечера. Его сильная ладонь уверенно легла на талию, собственнически притягивая к себе.

— Ты замёрзла, дорогая, — негромко, с глубокой бархатной хрипотцой произнёс Артемий Гордон, глядя на побледневшую Кристину с ледяным превосходством. — Вадим показал мне один забавный проект, но я обещал тебе, что эти выходные принадлежат только нам. Пойдём в номер? Инвесторы подождут до понедельника.

Лера поднялась со своего кресла, буквально утопая в его огромном мужском пиджаке, и победно посмотрела на Кристину, которая от зависти едва не прокусила стеклянную трубочку своего коктейля. Раунд номер два был выигран с разгромным счётом. Но когда они пошли в сторону жилого корпуса отеля, Лера внезапно вспомнила: в их люксе для влюблённых была всего одна двуспальная кровать. И там им пред-

стояло лобовое столкновение без свидетелей.

Глава 9. Раздел территории и взлом умного дома

Дверь роскошного люкса закрылась с тихим, веским щелчком, мгновенно отрезав их от пафосного гула свадебного преддверия. В номере царил приятный полумрак. Лера тут же сбросила шёлковые туфли на каблуках, с блаженством зарылась пальцами ног в мягкий ворс ковра и облегчённо выдохнула.

— Гордеев, ты просто бог венчурного анализа! — она повернулась к нему, всё ещё кутаясь в его огромный, пахнущий бергамотом синий пиджак. — Видел бы ты лицо Кристины! Она едва не лопнула от злости, когда ты начал рассказывать про раунды А и В.

— Я просто спас её будущего мужа от классической финансовой пирамиды. Это чистая математика, Мальцева, — Артём устало ослабил узел галстука, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и замер. Его взгляд устремился вглубь комнаты.

Лера проследила за его глазами. Посреди роскошного спального корнера высилась она. Королевская двуспальная кровать под белоснежным балдахин, с горой шёлковых подушек и абсолютно недвусмысленным намёком на то, что никаких дополнительных диванов или раскладушек в этом пятизвёздочном раю для новобрачных не предусмотрено.

— Так, — Артём нахмурился, и его лицо мгновенно приняло выражение строгого системного администратора. — Мальцева, это критический баг в системе бронирования. Где отдельные спальные места, предусмотренные базовыми протоколами нашего ТЗ?

— Артём, Кристина бронировала номера сама! — Лера виновато прикусила губу, пятясь назад. — Откуда я знала, что она выберет «Люкс для влюблённых»? Если я сейчас пойду на ресепшен просить другую кровать, Кристина узнает об этом через три минуты. У неё везде уши. Весь наш пиар-фронтенд рухнет!

Артём тяжело вздохнул, потёр переносицу, подошёл к кровати и, измерив её взглядом, вытащил из декоративного изголовья длинный, тяжёлый шёлковый валик. С силой опустив его ровно посередине матраса, он разделил ложе на две безупречные половины.

— Пункт 2.5 нашего ТЗ, — отчеканил он. — Территориальное разграничение. Это — демилитаризованная зона. Моя половина — слева, твоя — справа. За пересечение границы шёлкового валика — штрафные санкции в размере двух недель тишины за стеной. Вопросы?

— Никаких, товарищ капитан, — Лера шутливо отдала честь, хотя сердце почему-то предательски ёкнуло. — Только здесь дико душно. Попробую настроить климат-контроль.

У стены поблёскивала футуристическая сенсорная панель управления системой «Умный дом». На ней горели десятки

непонятных иконок. Вместо того чтобы дождаться Артёма, девушка уверенно ткнула пальцем в самую большую кнопку с изображением облака, надеясь включить кондиционер.

Система отеля мгновенно издала приветственный электронный писк, и на экране побежали строчки: «*Активация премиум-режима Романтическая ночь*».

Дальнейшее произошло со скоростью системного сбоя. Плотные шторы «блэкаут» с жужжанием наглухо закрылись. Основной свет погас, а по периметру потолка зажглась агрессивная неоновро-розовая светодиодная подсветка, превратив комнату в подобие дискотеки. Но самое страшное случилось через секунду. Из скрытых динамиков в потолке на максимальной громкости басов рванул хит Валерия Меладзе — «*Салют, Вера!*». Очевидно, администрация отеля считала эту песню вершиной романтического экстаза для русскоязычных постояльцев.

— *Салют, Вера!* — оглушительно загредело над нашими головами, отчего хрустальные подвески на люстре жалобно зазвенели.

— Мальцева! Что ты натворила?! — крикнул Артём, пытаясь перекрыть Меладзе. — Твой хаотичный код взломал систему!

Лера в панике начала беспорядочно тыкать во все кнопки подряд.

— Я хотела сделать похолоднее! Артём, выключи это!
Её очередной хаотичный тык активировал иконку с ка-

пельками. Раздался тяжёлый гидравлический гул, и прямо над кроватью, из скрытых форсунок тропического душа, предназначенных для «освежающего эффекта влюблённых», хлынул плотный, мощный поток прохладной воды.

Половина кровати вместе со шёлковым валиком мгновенно промокла. Артём, попытавшийся прорваться к панели, оказался прямо под этим душем. Через секунду его идеальная хлопковая рубашка и структурированные итальянские брюки были мокрыми насквозь. Лерины рыжие кудри и шёлк платья тоже превратились в промокший хаос.

— Отступи от панели, Мальцева! Ты перегрузила систему! — Артём бесцеремонно отодвинул девушку плечом, его длинные пальцы замелькали над сенсорным экраном с частотой работы хакера в голливудском кино. Он зажал одновременно две нижние клавиши, перезагружая роутер комнаты.

Музыка резко оборвалась на строчке «...но *трейшит по швам*». Тропический душ всхлипнул и затих. Розовая неоновая подсветка сменилась обычным, мягким белым светом.

В номере повисла оглушительная тишина, нарушаемая лишь мерным шлепаньем капель, стекающих с Артёмовой челки прямо ему на нос. Его мокрая белая рубашка облепила рельефный торс так, словно он только что участвовал в конкурсе мокрых футболок на Патриарших.

Лера посмотрела на его суровое, мокрое лицо, на стекающую воду, на шёлковый валик, который уныло плавал в луже на матрасе, и... не выдержала. Глухой смешок сорвался

с её губ, а через секунду она уже хохотала в полный голос, согнувшись пополам и держась за живот.

— Мальцева, это не смешно, — ледяным тоном произнёс Артём, но его кадык дрогнул. — Твой несанкционированный доступ уничтожил пятьдесят процентов спального фонда.

Он посмотрел на промокший валик, затем на неё — мокрую, с потекшей тушью и растрёпанными кудрями, — и на его губах впервые за все выходные появилась не сухая ИТ-шная ухмылка, а настоящая, живая, невероятно тёплая человеческая улыбка. Он тихо, обречённо рассмеялся.

— Ну и ну, Валерия, — он сделал шаг к девушке, и на его спортивных часах датчик пульса снова испуганно пискнул. — Твой хаос официально признан непреодолимой силой. Кажется, демилитаризованная зона сегодня полностью ликвидирована в связи с затоплением.

Глава 10. Аналоговые протоколы и фен для пиджака

Если бы кто-то в офисе холдинга сказал Артёму, что он будет проводить ночь субботы, сидя в одном махровом халате на краю ванны и сдувать капли воды с лацканов дорогого итальянского пиджака с помощью крошечного, перегревающегося отельного фена мощностью в двенадцать сотен ватт, он бы заблокировал этого пользователя во всех корпоративных чатах. Навсегда.

Фен издавал натужный, свистящий звук, подозрительно пах палёной пластмассой и каждые три минуты отключался из-за перегрева процессора.

— Мальцева, этот девайс имеет критически низкий КПД, — Артём хмуро направил струю тёплого воздуха на карман синего пиджака. — С таким же успехом я мог бы пытаться высушить серверную стойку с помощью собственного дыхания. Твой несанкционированный климатический тык на панели умного дома нанёс нашей экипировке ущерб, не подлежащий быстрой локализации.

Лера, устроившаяся на закрытой крышке унитаза в точно таком же огромном махровом халате отеля, из-под которого забавно торчали её пушистые тапочки с авокадо, виновато шмыгнула носом. Её рыжие кудри, влажные после тропического душа «Романтической ночи», пушистым облаком об-

рамляли лицо. Без макияжа, со слегка покрасневшим носом она выглядела непривычно... беззащитной. И за пределами аналоговой.

— Ну прости, Гордеев, — она умоляюще сложила ладони. — Я же хотела как лучше. Кто знал, что Меладзе активирует водные ресурсы? Дай сюда фен, я сама досушу. Ты и так весь промок из-за меня.

— Исключено, — Артём строго перехватил фен, когда тот снова со свистом включился. — Если я доверю тебе этот капризный электроприбор, мы рискуем устроить короткое замыкание и обесточить весь жилой сектор «Vip-Resort». Сиди смирно и не обновляй сессию.

Спустя полчаса пиджак был признан «относительно пригодным к эксплуатации», а уцелевшая правая половина королевской кровати — проинспектирована на предмет влажности. Шёлковый валик-разграничитель, насквозь пропитанный водой, уныло покоился на кафеле в ванной. Демилитаризованная зона прекратила своё существование по техническим причинам.

Артём выключил свет в комнате, оставив гореть только мягкую подсветку у изголовья, и осторожно лёг на левый край. Через минуту на противоположный край улеглась Лера. Между ними оставалось около тридцати сантиметров свободного матраса, но в тишине номера Артём отчётливо слышал её частое, неровное дыхание. За панорамным окном шумел сосновый бор, и этот звук странным образом сбивал

настройки его внутреннего тайминга.

— Артём... — тихо позвала Лера, переворачиваясь на бок и подпирая щёку ладонью. — А почему ты всё-таки согласился? Ну, кроме парковки номер 73? Ты же меня терпеть не можешь. Я шумная, неорганизованная, вечно порчу твой идеальный график... Зачем тебе этот позор на свадьбе Кристины?

Артём не сразу повернул к ней голову. Он смотрел на белый потолок, чувствуя, как под махровым халатом его сердце начинает отбивать ритм, никак не предусмотренный стандартными медицинскими протоколами.

— Ты невыносима, Мальцева, — спокойно и честно произнёс он, поворачиваясь к ней. В полумраке её зелёные глаза казались огромными. — Твои клиенты регулярно пытаются авторизоваться в моём тамбуре. Твоя музыка снижает мою продуктивность. Но... когда ты прибежала ко мне в субботу утром, испуганная, взъерошенная, готовая драться со всей управляющей компанией и своей Кристиной ради коробки со своими браслетами... Я вдруг понял одну вещь.

— Какую? — Лера затаила дыхание.

— Что в твоём хаосе жизни гораздо больше, чем во всех моих идеальных, выверенных строчках программного кода, — Артём медленно протянул руку по прохладной простыне, и его длинные пальцы аккуратно, почти невесомо коснулись её руки. — Мне просто... до ужаса захотелось стать частью этого хаоса. Хотя бы на сорок восемь часов. Чтобы прове-

ритель, выдержит ли моя система такую нагрузку.

Лера молчала. Её пальцы дрогнули, а затем она медленно перевернула ладонь и крепко, надёжно переплела свои пальцы с его.

По телу Артёма прошёл такой мощный, аналоговый разряд, что его спортивные часы на тумбочке снова испуганно пискнули, зафиксировав критический скачок пульса до ста двадцати пяти ударов. Протокол безопасности рухнул. Система выдала фатальную ошибку.

Артём плавно подался вперёд, преодолевая оставшиеся сантиметры между ними. Лицо Леры оказалось в паре сантиметров от его лица. Он чувствовал тонкий аромат её кожи — шёлк, мокрая лаванда и капля мятного леденца.

— Нарушение контракта, Мальцева, — хрипло, почти шёпотом произнёс он, глядя на её приоткрытые губы. — Полный системный сбой. Штрафные санкции аннулированы за отсутствием разграничительного валика.

— К чёрту контракт, Гордеев, — выдохнула Лера.

И их первый настоящий поцелуй — горячий, аналоговый, сокрушительный — окончательно перечеркнул все технические задания, дедлайны и условия тишины. Артём властно обнял её за талию, притягивая её хрупкое тело к себе, и Лера ответила на поцелуй с такой отчаянной, искренней страстью, что Senior-разработчик Гордеев впервые в жизни был абсолютно, безоговорочно счастлив от того, что его идеальная система полностью взломана и не подлежит восстановлению.

Глава 11. Первое танго и кулинарный саботаж

Главный день свадьбы Кристины и Вадима напоминал безумный гибрид обложки глянцевого журнала и съёмок дорожного реалити-шоу, где каждый гость отрабатывал свою роль по строгому сценарию. Кругом сияли огромные хрустальные люстры, утопающие в каскадах свежих белых пионов, а дамы в вечерних нарядах чинно потягивали шампанское из хрустальных фужеров.

Лера стояла у банкетного стола, нервно поправляя изумрудный шёлк платья. Артём держал её за руку — уже без всяких условий, договоров, ТЗ и промокших шёлковых валиков. Его ладонь была тёплой, надёжной, и это заземляло её лучше любого транквилизатора.

Кристина, устав от того, что Артемий Гордон за последние сутки стал главной звездой её собственного праздника (Вадим и другие инвесторы буквально ходили за ним хвостиком, умоляя проверить их бэкенды), решила нанести свой финальный, сокрушительный удар.

Она выпорхнула в центр зала, перехватив микрофон у ведущего, и сладко, с ядовитой улыбкой пропела на весь ресторан:

— Дорогие гости! У нас сегодня такой особенный день. И среди нас есть пара, которая, как я слышала, тоже безумно

влюблена и скоро порадует нас свадьбой! Лерочка Мальцева и её потрясающий Артемий. Мы все так хотим увидеть их... первый танец! Маэстро, музыку для наших будущих молодожёнов!

Зал взорвался аплодисментами. Лера похолодела, а шёлк платья словно прилип к спине. *Танец? Экспромтом? Предсвадебный ужин?!* В глазах Кристины плясало неприкрытое торжество — она была уверена, что суровые ИТ-директора не умеют двигаться, и надеялась, что Артём либо откажется, выставив её душой, либо они опозорятся на зеркальном паркете.

— Артём, — в панике прошептала Лера, пытаясь отступить назад в толпу. — Нам конец. Я танцую как раненый пингвин, а ты...

— Спокойно, Мальцева, — Артём даже не повёл бровью. Он забрал бокал, поставил на стол и уверенно увлёк её в самый центр зала. — Я занимался бальными танцами семь лет, пока не ушёл в олимпиадное программирование. Включаю встроенные алгоритмы. Доверься мне и держи спину.

Когда из динамиков неожиданно зазвучали первые глубокие, чувственные и резкие аккорды аргентинского танго «*Por una Cabeza*», Артём властно и мягко обнял Леру за талию, притягивая к себе. Она испуганно выдохнула, но в следующую секунду сосед увлёк девушку за собой.

Это не было неуклюжим переминанием с ноги на ногу. Артём вёл так уверенно, плавно и технично, что Лера по-

слушно следовала за каждым его движением. Они кружились по паркету, шёлк изумрудного платья красиво взлетал в такт музыке. А в самый кульминационный момент, под синхронный вздох зала, Артём резко прижал девушку к своему бедру и выполнил безупречное, резкое и невероятно страстное **ганчо** — его нога молниеносно переплелась с её, заставив Леру прогнуть спину в идеальной танго-линии.

Он смотрел на партнёршу сверху вниз — жарко, пристально, совершенно забыв про Кристину, Вадима и весь этот пафосный зал. В финале танца он изящно отклонил Леру назад, поддерживая за поясницу практически у самого пола.

Зал буквально взорвался овациями. Инвесторы кричали «Браво!», а Кристина стояла с открытым рот, медленно опуская микрофон. Её коварный план провалился с самым громким треском в истории клуба «Vip-Resort».

И тут её нервная система окончательно дала сбой. Осознав, что Артемий Гордон только что спас Вадима от кипрского скама на три миллиона евро, и теперь её будущий муж смотрит на айтишника как на бога, Кристина устроила грандиозную истерику.

— Это всё фальшь! — завизжала она, подлетая к трёхъярусному белоснежному макету свадебного торта, который кондитерская прислала на дегустаци. — Ты испортила мне всё, Мальцева! Твой жених — выскочка!

Издав дикий вопль, Кристина обеими руками подхватила подол своего платья и выбежала из зала.

— Ну вот, Валерия. Система Кристины выдала критический баг с полным разрушением интерфейса. Кажется, наш пиар-фронтенд завершён с абсолютным триумфом. Поехали домой? Мой перфоратор заждался тишины, которой у нас с тобой больше никогда не будет.

Глава 12. Перезагрузка системы и лавандовый финал

Воскресный вечер встретил Москву привычным неоновым сиянием и первыми предновогодними пробками, но в баре «Литературный оргазм» всё оставалось неизменным. Четыре бокала с «Маргаритой» снова со звоном встретились в центре стола, но на этот раз за ним сидело гораздо больше людей.

Маша Воронцова, сменившая свой строгий редакторский жакет на мягкий джемпер, с явным удовольствием опиралась на плечо Кирилла Гордеева. Креативный директор «Слова» о чём-то увлечённо спорил с Артёмом, чертя на салфетке схемы интерфейса для нового мобильного приложения издательства.

— Я говорю тебе, Гордон, твоя анимация переходов перегружает оперативную память на мобильных устройствах, — Артём, Senior-программист до мозга костей, педантично постукивал пальцем по салфетке. — Нужно оптимизировать рендеринг. Баги верстки нам не нужны.

— Артём, расслабься! Это чистая эстетика, визуальный экстаз для пользователя! — Кирилл весело рассмеялся и приобнял Машу. — Текст Маши должен подаваться в красивой глянцевой обёртке, иначе зумеры не нажмут кнопку «скачать».

Лера сидела рядом с Артёмом, лениво перебирая пальцами массивный электронный брелок от подземной парковки 73. Её изумрудное платье заняло почётное место в шкафу, уступив место привычным джинсам и объёмному кардигану, но внутри Леры до сих пор вибрировало то самое аргентинское танго.

— Ну что, Артемий Андреевич, — Лера хитро прищурилась, пододвигая к нему брелок по деревянной поверхности стола. — Акт приёмки-передачи услуг подписан. Кристина заблокировала меня во всех соцсетях, Вадим прислал тебе бутылку коллекционного коньяка в знак благодарности за спасённые три миллиона евро. Вот твоя законная плата. Место номер 73 прямо у лифта. Твоё по праву ТЗ.

Артём медленно перевёл взгляд с брелока на Леру. В полумраке бара его серые глаза казались непривычно тёплыми, а на губах блуждала та самая, едва заметная, но безумно нежная ухмылка. Он уверенно накрыл её ладонь своей, плавно пододвигая брелок обратно к ней.

— Оставляй себе, Мальцева, — негромко, с глубокой бархатной хрипотцой произнёс он. — Мой кроссовер отлично постоит на нижнем уровне. Зато у меня теперь есть легитимный повод провожать тебя до лифта каждый вечер, контролируя, чтобы твои эксцентричные клиенты не путали двери в тамбуре.

— Оу-у-у! — хором протянули Маша, Лера и Даша, а Кирилл одобрительно хлопнул программиста по плечу.

— Гордеев, это стопроцентный системный сбой бэкенда, — Даша Ковалёва весело рассмеялась, крутя на пальце свой свисток фитнес-тренера. — Наш железный айтишник полностью сдался хаосу! Мальцева, ты официально взломала эту матрицу.

Лера счастливо улыбнулась, чувствуя, как Артём крепко переплетает свои пальцы с её пальцами под столом. Никаких штрафов за прикосновения больше не существовало. Его перфоратор был сдан в утиль, а инди-рок Леры теперь играл в его наушниках во время написания кода. Полная перезагрузка системы завершилась абсолютным хэппи-эндом.

И только Аня Тихомирова сидела чуть поодаль, задумчиво разглядывая пустую картонную коробочку из-под кондитерских изделий и крутя в руках телефон. Её нежное, домашнее лицо казалось непривычно бледным, а под глазами залегли лёгкие тени.

— Анечка, ты чего такая грустная? — Маша сочувственно посмотрела на подругу, отрываясь от планера. — Твои капкейки «Антистресс» сегодня превзошли сами себя, весь отдел редакции в «Слове» до сих пор требует добавки.

Аня тяжело вздохнула, подняла свои большие, мягкие глаза на подруг и со стуком положила телефон на стол.

— Девочки, я больше не могу, — тихо, сорвавшимся голосом произнесла она. — Вы же знаете Олега? Ну, моего... бывшего. Он вчера снова прислал мне огромное письмо на почту. Пишет, что мой кондитерский талант — это глупое

баловство, кофейня на Патриарших никогда не окупится, а сама я без него пропаду в этой Москве. Я заблокировала его везде, но внутри... всё просто горит от обиды. Я чувствую себя полностью опустошённой.

Подруги мгновенно посерьёзнили. Лера возмущённо сжала кулаки, а Даша яростно свистнула в свой свисток, заставив официанта испуганно вздрогнуть.

— Так, Тихомирова, отставить самокритику! — властноскомандовала Маша, открывая новую страницу планера и жирно вычеркивая имя «Олег». — Включаем протокол экстренной эвакуации. Ты не останешься в Москве слушать этот токсичный бред. У тебя неиспользованный отпуск.

— Да! — подхватила Лера, её зелёные глаза азартно блеснули. — Я вчера видела горящий тур в один безумно уютный, уединённый эко-отель на побережье Сочи. Маленькие деревянные бунгало у самого моря, сосны, тишина, никаких бывших и полная перезагрузка для души! Мы с девочками уже скинулись и забронировали тебе коттедж номер пять! Улетаешь завтра утром.

— Но как же мои заказы? Как же мои кондитерские формы? — испуганно моргнула Аня.

— Формы засунешь в чемодан! Все тридцать килограммов! — Даша решительно стукнула кулаком по столу. — Будешь печь местным чайкам и дышать морским воздухом. Это приказ креативного комитета девичника.

Аня посмотрела на решительные лица подруг, на поддер-

живающих их мужчин и впервые за весь вечер слабо, но искренне улыбнулась. Она ещё не знала, что в эко-отеле под Сочи из-за глобального сбоя системы бронирования её коттедж номер пять уже сдан одному жутко угрюмому, ворчливому московскому архитектору по имени Марк, который сбежал туда ради абсолютной тишины и проектирования оперного театра. Страницы второй книги были успешно перевернуты, но рецепт самого сладкого, сумасшедшего и лавандового курортного романа уже начинал замешиваться на южном побережье, обещая Ане Тихомировой абсолютный триумф над всеми прошлыми обидами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.